

ИВАНА ТЕСАРИЧ

СТЕНА ВЕТРОВ

18+

Ивана Тесарич

Стена Ветров

«Автор»

2026

Тесарич И.

Стена Ветров / И. Тесарич — «Автор», 2026

Сотни лет Стена Ветров защищает Архипелаг, где правят магия стихий и древние кланы. Никто не смеет спрашивать, какую цену пришлось заплатить за это благополучие и что скрывается по ту сторону Стены. Наследник Дома Ветров нарушил этот запрет и лишился всего — семьи, имени и свободы. Его должны были забыть навсегда. Его единственным союзником оказалась восьмилетняя Катарина по прозвищу Белка. Она искренне верит, что любое желание исполнится, если найти перо синей чайки. Но некоторые желания меняют не одну судьбу. Они меняют весь мир.

© Тесарич И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	26
Глава третья	47
Глава четвертая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ивана Тесарич

Стена Ветров

Глава

Пролог

Как же он ненавидел это время года... Внутри все переворачивалось от вида холодных серых волн на фоне такого же неба, свинцового, тяжелого. Зато город светится яркой белой свежестью, словно издеваясь. Шпиль Главного маяка, лучом рассекал небо и выглядел нереальным, не настоящим. Почему раньше он так не ощущал этот диссонанс?

“Интересно, как бы выглядела столица, слети разом все мороки и иллюзии?”

Иллюзии... Куда не бросишь взгляд – увидишь их, мороки и иллюзии, накинутае на здания внизу, на иглу маяка, на весь его мир. И жизнь свою он поменял на одну... Собственной волей. И глупостью... И, закономерно, оказался здесь...

Теперь можно раскаиваться, ненавидеть себя. Изменить только нельзя ничего.

Стоя на самом краю потрепанной ветрами и временем крыше Серой Башни, он словно зачарованный смотрел вниз - на город и море. На свободу. Один шаг, короткий полет и все... Он снова увидит тех, кого, оказывается, так любил. И понял это только здесь. А теперь без надежды, проживал день за днем, словно рыба в медленно высыхающей луже. Амбиции. Где они теперь? Он рассмеялся. Горько.

Придвинулся чуть ближе к краю, отделяющему от последнего шага. Поморщился, представив, как мерзко будет выглядеть его тело и закрыв глаза, набрал воздух в легкие. Жалкий конец. А он всегда боялся быть жалким...

Шум, совершенно неожиданный и неуместный выдернул его из полу транса, вызвав раздражение, досаду и легкое удивление – неужели не ко времени вернулся кот. Он повернул голову на звук, и чуть, действительно, не сорвался в бездну. Сделав резкий шаг от провала, он развернулся, с шоком и неверием уставившись перед собой. Из узкой трещины прорезающей крышу, в которую он не раз пытался протиснуться, но застревал, едва спустившись до колен, вылезал ребенок. Маленькая русоволосая девочка. Ветер трепал прямые волосы и бил в худое лицо. Она высвободила руки из узкой щели, оперлась ими о бетон, высунулась на поверхность по плечи и замерла. Большие глаза с ужасом разглядывали его фигуру.

Не веря глазам, он сделал шаг навстречу, протянул руку и промычал что-то нечленораздельное. Голос, отвыкший от разговоров не слушался, биение сердца отдавалось в голове.

Девочка вздрогнула, ее рот приоткрылся, губы задрожали, а лицо побелело. Тоненько взвизгнув, она дернулась, и юркнула назад, в бетонную щель, в недоступную глубину Башни.

В два скачка подлетев к разлому он отчаянно прокаркал в темноту:

- Не убегай!!! Пожалуйста, не убегай!!

Глава первая

- Катарина-а-а-а,- голос наставницы Лидии зарокотал, отдаваясь в продуваемой сквозняками комнате, отбился невнятным эхом от стен и понесся гулять по разломам.

Девочка забилась под кровать в самый дальний угол у изголовья. Она почти перестала дышать, уткнувшись маленьким носом в худые коленки, и прикрыв большие серые глаза.

Тяжелые шаркающие шаги приблизились опасно близко. Катарина увидела распухшие щиколотки в вязаных полосатых носках и стоптанные кожаные туфли, некогда претендующие на элегантность.

Наставница Лидия, пыхтя наклонилась и приподняла свисающую простыню. Глубже, однако не заглянула, не смогла. Потом, тяжело вздохнув, обошла кровать и резко распахнула меховой балдахин над ней. Решив, что все от нее зависящее сделано, старая воспитательница юных благородных девиц направилась к двери, ворча в голос:

– Дряннуха! Попадись мне только! Прошное наказание тебе наградой покажется! Восемь лет... как можно в восемь лет создавать столько проблем?! Ни кожи, ни рожи, а все туда же! Ох, и гнать бы тебя поганой метлой, откуда явилась, – каждая реплика сопровождалась тяжелым вздохом, больше похожим на одышку.

Девочка закусила губу. В голове пронеслась страшная мысль, что вредная воспитательница может лишить ее посещения Главного Маяка в честь весеннего Дня возжигания священного огня. А ей очень, ну просто до зарезу надо попасть туда.

Девочка живо представила тучную фигуру наставницы, застывшую в дверном проеме и острый взгляд, напоследок изучающий комнату. Хлопнула дверь и Кая выдохнула....

Кая.... Так ее называла бабушка. Так когда-то давным-давно звали мама и папа. А ещё Радостью и Солнышком. Наставница Лидия и сама не подозревала, что ее проклятье было заветной мечтой, занимавшей последнее время все устремления Катарины. Вернуть все назад, вернуться домой, на их маленький остров. И чтобы бабушка ожидала ее, сидя у очага, и снова плавать между камней с соседскими детьми, ловить креветок, нырять за ракушками, готовить их прямо на берегу и есть всей веселой чумазой компанией. Снова стать Каей и Солнышком.

Здесь же, в Гнезде Ветров, все взрослые звали ее серьезно и как-то напыщенно - Катарина, а дети, начиная от соседок воспитанниц и кончая юными наследниками Смотрителей Дома Ветров, попросту Белкой. Прозвище это настолько прилипло, что и сама Катарина в мыслях называла себя именно так.

Девочку кольнула горькая обида. На это неудобное место, на противных наставниц и на бабушку.... Любимую бабушку, зачем-то оставившую ее здесь. Однако состояние меланхолии и грусти, развеялось уже через минуту, а все внимание сосредоточилось на предвкушении того, зачем она, собственно, и спряталась под этой кроватью.

Белка достала костяной столовый нож, утащенный из трапезной, и стараясь производить как можно меньше звуков, расковыряла дыру в тяжелом плотном гобелене, свисающем до самого пола и отделяющем изголовье высокой кровати от стены. Она вся превратилась в слух, заранее ожидая интересную историю. За гобеленом скрывалась рваная, расширяющаяся к потолку трещина. Из нее доносился гул мальчишеских голосов, слышались смешки, ленивые переругивания – все то, что можно услышать в классе, ожидающем начало урока. Наконец, шум резко стих, хлопнула дверь и раздался энергичный и насмешливый голос наставника Ариса:

- Приветствую вас, наследники Дома Ветров и потомки Первого смотрителя!

Внутри Катарины поднялась волна радостного любопытства. Уроки учителя Ариса стоили риска от наказания, а до праздника времени еще полно, Лидия еще сто раз успеет пере-думать.

Вот если бы этот час истории преподавал сегодня старый Кирос, было бы обидно. Чуть не попасться ради его однотонного бубнежа, в котором, словно в остывшем невкусном вареве из столовой, мешались даты и события. Тогда Белка бы точно плюнула, и пошла в собственный класс, где молодых девиц из уважаемых родов готовили к карьере фавориток и подруг для наследников Дома Ветров. А тем, кому повезет особо, так и к роли верных жен. Что тут, что там – скука и тоска смертная. Но учитель Арис – совсем другое дело! Белка приникла ухом к щели. Дыра в гобелене, определенно, улучшила слышимость.

- Ну что, будущие великие Маги, продолжим наш прошлый разговор. Точнее, вернемся к самому его началу. Вот ты, давай-ка, перескажи нам, как заселился Архипелаг и как появились Великие Дома?

Белка услышала короткую возню, вздох и чей-то мальчишеский голос уныло затынул:

-Ну-у-у... После Великой катастрофы наши предки, того, поплыли, искать лучшее место. Где жить можно... Ну, чтоб там еда-вода

- Замечательно красноречиво, но лучше я, того, сам повторю вам этот урок, — передразнил наставник, и класс захихикал, – Тем не менее, ваш уважаемый коллега прав, наш мир, наш Архипелаг появились именно после всемирной катастрофы. Когда она случилась - не сможет вам сказать никто. Но, предположительно лет шестьсот назад. Точной даты в истории не осталось, увы... Поэтому, мы ведем наше летоисчисление не от нее, а от пришествия Первых на острова и от возжигания первого Маяка. Итак, шестьсот лет назад Земля взбунтовалась. Почему? Люди той ушедшей цивилизации стали настолько всемогущи, что могли творить настоящие чудеса. Они летали по воздуху без всякой помощи стихийной магии. Ходили по морю на огромных кораблях, построенных из металла! Да-да, не удивляйтесь, именно металла! Корабли были настолько громадны, что могли бы вместить в себя всё население небольшого острова, вместе со всем скарбом и даже козами.

Послышались перешептывания и недоверчивые смешки.

- Металл тонет! – прокомментировал кто-то, — И откуда его столько взялось, на эдакую громадину? А из шкур китов, как у нас, большое судно не построишь! Это легенда!

На него цыкнули, и голос замолк.

Конечно же, Катарина слышала историю заселения Архипелага, ее наизусть знал каждый уличный мальчишка. Но звучала та история немного по-другому. Точнее, совсем по-другому. В той истории жили необыкновенно могучие волшебники, бушевали разгневанные ревнивые Стихии и была война магов, выпустившая страшное Зло... Однако версия наставника казалась куда интереснее. И Кая уже подслушивала ее, правда в скучном исполнении учителя Кироса. В школе для юных дам, эту историю вообще проходили вскользь, ибо «незачем нагружать прекрасные головки знаниями, не имеющими никакого практического применения в дальнейшей жизни». Так наставница Лидия отвечала на все вопросы, не касающиеся «женских искусств». Белка подозревала, что старая наставница попросту не знала ответов.

- Как бы то ни было, — голос учителя слышался так явно, что Кая напредила себе не забыть заткнуть дырку в гобелене носком, одиноко валяющимся под кроватью рядом с огрызками яблок, — Могущество людей не остановило приближающуюся катастрофу. А, скорее всего, именно оно ее и вызвало. Те люди не владели нашей магией, живой Магией Стихий, но владели Магией вещей. Могли создавать невообразимые, необъяснимые вещи. С помощью вещей могли разговаривать и видеть друг друга, будучи в разных краях света, как если бы мы отсюда говорили с учениками Дома Воды, или Дома Земли в их классах, на их островах.... С помощью вещей передвигались по земле и воздуху, да даже учились с их помощью.

В классе не слышалось ни звука, словно все слушатели разом затаили дыхание.

- Но эти Великие маги Вещей начали придавать своим творениям слишком много значения, стали зависимыми от них. А когда появляется зависимость от какого было явления, и желание полного обладания им – теряется власть над этим явлением. Оно незаметно, поти-

хоньку начинает брать бразды правления в свои руки, и уже не ты, а оно управляет твоими мыслями и поступками. Впрочем, об этом мы поговорим отдельно, а сейчас вернемся к Первым.

Арис замолчал, потом откашлялся и продолжил.

- Итак, Мир Вещей, на вершине своей мощи. По небу летают небесные корабли, в морях - целые плавучие города. Большинство людей живет в высоких башнях, подобных нашим Маякам. Царствует изобилие. Казалось бы – живи и радуйся. Но люди не заметили, как оказались в рабстве. Как вещи заняли их помыслы и стали управлять ими. Тогдашние Дома и целые народы начали ревностно соревноваться в накопительстве, воевать за обладание материалами для изготовления все новых вещей. Эта магия создала оружие, способное уничтожить весь мир. Люди попытались поработить Ветер, Землю, Огонь и Воду. И им это почти удалось. Но за все приходит расплата. В один черный день началась война, в которой то страшное оружие сожгло их мир и освободило Стихии. Земля затряслась, на необъятную сушу хлынула морская вода, а ветер гнал на людей клубы ядовитого дыма. Мир вещей рухнул в одночасье. Однажды разгневав Стихии, смирить и умиловить их невозможно, пока они сами не того пожелают. Немногие выжившие остались на клочках голой бесплодной земли, окруженные бушующим морем, а ветер нес со всех сторон ядовитый туман. Их знания оказались бесполезны, а жизни хрупки и уязвимы.

Белка втиснула ухо в щель и даже рот открыла, стараясь не пропустить ни слова из этой страшной сказки. Она представила себе тот мир с плавучими городами и летающими кораблями, такой величественный и не похожий на все, что ей знакомо.

- Значит, магия Стихий самая сильная? – послышался чей-то робкий голос, — Тогда, почему наши маги не могут создать то, что умели прошлые народы?

- Потому что наш мир, наш Архипелаг, живет по другим законам. Стихии разрушили мир поклонения вещам. Думаешь, стоит создать его снова и посмотреть, как они отреагируют на сей раз? Вам повезло. Вы живете в обществе, где не может быть войн. Не просто так Великие Смотрители заключили договор о том, что каждый из четырех Домов, может управлять лишь одной Стихией. Этот договор никому не дает преимуществ, а меняющие мир заветы доступны только, когда их творят все вместе. Как тогда, когда Четыре Великих огородили Архипелаг Стеной Ветров. Наши жизни охраняют все четыре стихии, вплетенные в бережный круг, не давая одичавшим, оставшимся за его границами людям, кровожадным чудовищам и смертоносным туманам проникнуть на острова. Наш мир справедлив, добр и находится в гармоничном равновесии.

На этих словах раздался чей-то скептический смешок, но наставник его проигнорировал.

- Учитель, а дальше? Что случилось с теми, кто пережил ту катастрофу?

- Дальше... – голос наставника Ариса изменился, – Дальше люди скитались по остаткам материка – огромной легендарной земле. Намного большей, чем все наши острова. Искали место, где снова смогут жить, не умирая от голода, холода, жажды и болезней, появившихся после той страшной катастрофы. Шло время. Рождались новые поколения, но немногие из появившихся на свет доживали до зрелости.

- Но нашелся человек, тот, кого мы зовем Первым, решивший бросить вызов враждебному миру. Он собрал остатки некогда великого флота, позвал за собой людей и двинулся в поход, в попытке найти место для себя и своего народа, или же погибнуть и прекратить эту бесконечную агонию.

- Долго они блуждали по изменившемуся миру. И всюду заставляли одну и ту же картину. Пустые, выжженные куски суши. Запасы провизии и воды иссякли. Паника и страх охватили обреченных. Тогда Первый, видя, что привел людей к смерти, в отчаянии и гневе обратился к Отцу Ветру. Всю свою силу и боль вложил он в слова: «Могучий, вольный Ветер! Если ты слышишь меня, отнеси наши корабли к месту, где мой народ сможет выжить и размножиться.

Залог – моя жизнь и дух будут принадлежать тебе!». И поднялся сильный, доселе не виданный вихорь, который погнал корабли в открытое море, и нес без остановок несколько дней, пока не начали расступаться тучи, и на небосводе не появилось бледное солнце. И когда корабль Первого прибило к острову, он увидел остатки зданий, построенных до Великой катастрофы, зеленые кустарники у их подножья и услышал крики птиц. Тогда он понял, что их путь окончен. И велел мужчинам подняться на самый верх одной из башен и разжечь огромный костер, чтобы показать путь остальным судам. Так появился Первый Маяк. А Ветер начал откликаться на зов.

Учитель замолчал, видимо, переводя дух.

Белка вся превратилась в слух. Всякое упоминание этого маяка вызывало у нее особое внимание.

Эта тема всерьез начала волновать её после того, как Маргарита, ее соседка по спальне, сообщила всем, что подслушала на прогулке разговоры двух мальчишек-наследников. Они говорили о том, что стоит лишь найти или вырвать перо из крыла синей чайки, птицы редкой, предпочитающей гнездиться и жить одиночкой, написать свое заветное желание на этом перышке, а потом сжечь его в огне Первого Маяка – исполнится абсолютно любая, даже самая невозможная мечта. Непременно.

Поверье это вызвало настоящий ажиотаж у юных обитателей Серой Башни. И если преградой к исполнению многочисленных и очень похожих желаний воспитанниц была невозможность отыскать заветное перо, то для Катарины главной сложностью представлялось попасть сперва на сам Маяк, где сотнями лет проживали и правили поколения Смотрителей Дома Ветров, а после взобраться на тщательно охраняемый верх и приблизиться к Магическому огню.

Белка живо представила себе гигантский белый шпиль, парящий над Ветроградом и нахмурилась.

- Учитель, а что случилось с Первым потом? Он ведь успел научить людей Магии Ветра? – мальчишеский голос прервал затянувшуюся паузу.

- Успел. Когда последние люди из его флотилии сошли на берег, Первый со своими сыновьями поднялся на верх башни, на которой все еще горел костер. И там заключил второй договор со Стихией. Отныне его потомки могли говорить и просить помощи у Ветра. А вернулись его сыновья уже без него... Дальше, сыновья его сыновей научились управлять Огнем, Водой и Землей, и основали четыре Великих Дома.

- А он куда делся? - ахнул все тот же звонкий голос.

- А этого точно уже не знает никто – таинственным голосом произнес наставник, — Так или иначе, с тех пор наши правители научились говорить со Стихиями, и первым отозвался Воздух, Ветер. Поэтому наш Дом самый старый и уважаемый.

- И самый бедный, – вновь хмыкнул кто-то.

- Ну, раз вы решили меня перебивать, ответьте на такой вопрос, — Арис, явно рассердился, — Какие магические воздействия запрещены на Архипелаге?

После непродолжительной паузы, мальчишеский голос произнес:

- Маги не смеют использовать несколько Стихий сразу, только одну... И еще магия Диких запрещена

- Почему?

- Ну, они же наши враги. Дикие... Мы с ними за острова воевали

- Вот что значит, не слушать преподавателя! А я говорил на прошлом уроке... Потому, что Дикие используют магию убеждения и магию крови. Не благородную Стихийную! А подавляющую свободную волю непредсказуемую магию Диких! Запрещенную еще Первым. Садись, олух и не прерывай впредь.

Послышались смешки.

- А знаете, почему Гнездо Ветров, в котором вы живете, выглядит совсем иначе, чем все остальные башни нашего и прилегающих островов? - совсем другим голосом продолжил учитель.

Этот вопрос Кая не раз задавала себе. Увидев в первый раз огромное растрескавшееся здание серого цвета, с рядами одинаковых квадратных окон, девочка поразились контрасту с высокими белыми шпилями других построек столицы

- Потому что это и есть та башня, на которой Первый разложил костер и заключил договор со Стихией Ветра. В память об этом, башню запрещено менять и перестраивать. Даже те трещины, что вы видите в стенах, остались неизменными с тех далеких времен. Сам Ветер хранит это здание от разрушений. И именно здесь, высоко над нашими головами зажжен Первый огонь, от которого пошла традиция возведения Маяков, – торжественно заявил наставник. – Когда люди приплыли на Архипелаг, почти на всех островах стояли такие вот здания. Это следы мира вещей. Многие и сейчас существуют, как основы Маяков и других башен, достроенные и преображенные магией, — продолжил свое повествование Арис, но Белка его уже не слушала.

Словно громом пораженная, она таранилась в пустоту... Вот оно! То, что поможет все исправить! Под боком! Не на Главном Маяке, а здесь, над головой! Первый маяк.

Она вернется домой! Она вернет бабушку! Да что бабушку! Маму с папой!!! От так неожиданно открывшихся перспектив, девочку потряхивало.

Осталось найти перо. Бело-голубое перо с необычным ярко-синим кончиком, растущее на крыльях чаек, по которому они и получили свое название.

Кая мстительно усмехнулась. Все эти наследники, благородные воспитанницы, наставники... Думают, что они лучше и умнее всех. Думают, что те, кто живет на дальних островах, чем-то хуже их. Ха-ха! Да они не смогут отличить синюю чайку от обычной, будь та у них перед носом! Да они ее от крачки не отличат! А она знает, где живет эта птица! И гнездо она отыщет – не зря же на родном Ключевом всю жизнь с мальчишками карабкалась по скалам.

- Учитель, значит, слухи про его призрак точны? Ну, что привидение Первого видели, как оно бродит по нашей башне, – назойливый мальчишка решил расспросить об этом, волнуящем юных обитателей Гнезда Ветров, слухе.

- Павлос, как не стыдно верить во всякие глупости! – голос наставника аж задрожал, — Первый вручил свой дух Отцу Ветру. Неужели ты думаешь, что в своем посмертии он будет бродить тут, чтобы пугать своих бестолковых потомков?!

Про дух Первого Белка, конечно же, слышала. Но эти слухи, рассказываемые ночью в общей девичьей спальне, особо не трогали ее. Прожив всю жизнь на маленьком диком острове, она видала и мертвых животных, и даже присутствовала на прощании с соседскими стариками, покинувшими этот мир не в последнем плавании, а умершими у себя дома. И никто из них не принимался разгуливать по округе.

Стараясь производить как можно меньше шума, девочка заткнула дыру, вылезла из-под широкой кровати и выскользнула в длинный коридор с рядом одинаковых дверей. Теперь она вернется в свой класс и будет паинькой, пока не усypит бдительность наставниц. А потом....

План, простой и незатейливый возник сразу. Сперва – найти гнездо. А оно здесь, на самом вершине. Кая еще осенью заметила чайку, немногим отличающуюся от своих горластых соседок, летающую вокруг башни и несомненно, гнездившуюся на карнизе верхних незаселенных этажей, почти не посещаемых прислужгой. Значит, весной она вернется именно сюда. А потом – как-нибудь уж забраться на крышу, разложить огонь, и тогда....

Белка спустилась двумя этажами ниже, и найдя нужную дверь тихо прокралась внутрь, стараясь ощущать себя пустым местом, невидимкой. Иногда этот метод срабатывал, и преподаватели не обращали на нее внимания. Но не на этот раз.

- Катарина. Может объяснишь нам, почему ты решила, что можешь игнорировать общие занятия? У тебя какие-то неотложные дела, важные встречи? - тощее костистое лицо наставницы Клавдии приняло такое выражение, словно под нос ей сунули несвежую рыбу. Наставница же Лидия нахмурила брови, уперла руки в широкие бока и грозно посмотрела на Каю.

Белка чувствовала себя страшно неуютно под взглядами двух воспитательниц и дюжины воспитанниц, полукругом сидящих в просторной комнате в одинаковых синих форменных платьях и в почти одинаковых позах. Кае искренне захотелось оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда.

Комната для занятий рукоделием, была застеклена огромными цельными кусками стекла, оставшимися в окнах с незапамятных времен, и была особенно светлой. Здесь девочек обучали шитью, вышивке, и другим полезным для юных девиц навыкам. Поэтому сейчас в руках соучениц мелькали спицы, с которых свисали начатые и уже наполовину готовые шарфы, а возле стульев стояли корзиночки с клубками разноцветной пряжи. Все без исключения, кроме разве что лучшей подруги, смотрели на Белку с нескрываемым злорадством.

Кая потупила глаза и жалобно протянула:

- Учительница, я убирала комнаты Наследников, как вы и велели. Я очень старалась, чтоб вы не сердились....

- И поэтому пропустила половину занятия рукоделием? И не слышала воспитательницу Лидию, с ног сбившуюся в поисках тебя?! Похоже, прошлого наказания мало. Ну, что ж... Раз тебе так понравилось убираться, пожалуйста – доставим тебе это удовольствие. Нам ведь не жалко, не так ли, девочки? – окинув взглядом хихикающих учениц и выдержав многозначительную паузу, Клавдия, которую за глаза большинство услужливо смеющихся воспитанниц звали Селедкой, вынесла вердикт:

– Еще две недели уборки и никакого праздника Возжигания Священного огня! Все будут веселиться на Маяке, пировать, выступать перед Смотрителями, а ты будешь сидеть в Гнезде и наводить чистоту в покоях Наследников!

Девочки, внимательно слушавшие свою наставницу, загалдели. Кто-то ехидно засмеялся, кто-то ахнул из-за ужасного наказания, страшного для любой воспитанницы.

При скучной и небогатой на события жизни в Гнезде Ветров, редкие праздники с выходом в свет, в город, в залы Главного Маяка, ожидалась с нетерпением.

Воспитанницы сами готовили бальные наряды. Семьи побогаче и живущие поближе к столице помогали в этом своим дочерям и сестрам. А девочки, чья родня по каким-то причинам оставалась в стороне, выкручивались как могли. Тут уроки женского рукоделия были неоценимы. Старшие кроили вычурные платья и украшали их сложными вышивками с бисером и перламутровыми бусинами. Младшие вывязывали кружевные воротнички и передники, делали украшения для волос. И все мечтали там, на балу, встретить того единственного Наследника, который безумно влюбится в обладательницу всей этой красоты. Да и увезет отсюда подальше в сказочную и яркую жизнь.

Белка низко опустила голову и, мысленно показав язык Селедке, жалобным голосом протянула:

- Извините меня, наставница. Я больше не буду!

- Иди на свое место. Даже если я передумаю, и ты отправишься на праздник, носить будешь те кружева, которые сама же и связала. Вот повеселишь гостей!

Ученицы снова засмеялись. Впрочем, если представить, как будет смотреться на платье единственный воротничок, который Катарина успела доделать с мученьями и отвращением к данной работе, выходило действительно смешно.

Пряча пунцовое лицо в серо-русых, отросших до плеч, волосах, Белка отошла к шкафчику, в котором хранились рукодельные принадлежности, достала свой мешочек и корзинку, села на место и вытащила начатый шарф. Вязание не желало появляться на свет, набранные с

таким усилием петли норовили соскользнуть, а разноцветные нити из грубых волокон тростника – запутаться еще больше. Подавляя яростное желание швырнуть свою поделку на пол и убежать, Кая сделала вид, что сосредоточена на работе, и когда перестала ощущать на себе взгляды, погрузилась в размышления и мечты.

Она никак не могла до конца понять и принять свое появление здесь, в Серой Башне. И тосковала по дому, своему родному Ключевому острову, названному в честь единственной достопримечательности - ключа с чистой пресной водой, не пересыхающего целый год. На Ключевом даже Маяка построено не было, видно никто из многочисленных потомков Смотрителей не польстился на бедный клочок суши.

Зато Катарине жизнь на островке казалась замечательной! А воспоминания из раннего детства напоминали солнечную сказку. Тогда их дом над каменистым пляжем дышал уютом. Мама, напевая, готовила над очагом уху, или пекла лепешки, наполняющие кухню запахом хлеба. Отец, огромный и добрый, чинил сети. Лиц их Кая почти не помнила, поэтому родители в ее мыслях были подобны яркому и теплему свету. Однажды они вышли в море, и не вернулись. Слишком уж зачастили непредсказуемые шторма, сетовали соседи, обнимая плачущую бабушку. А Кая все ждала, когда на горизонте появится знакомый парус и снова вокруг станет шумно и весело.

Дни проходили, и жизнь с бабушкой стала обыденной и привычной. Вместе, они выходили в море на большой оставшейся от деда лодке, «Ласточке». Лодка эта была их главной ценностью, в ее корпус и снасти было вплетено не одно заклятье, дающее устойчивость и плавучесть. И слушалась «Ласточка» лишь членов семьи, никто из посторонних не мог управиться с ее нравом.

На ней бабушка с внучкой ходили к соседним необитаемым островкам. Там карабкались по склонам наверх в поисках диких пахучих трав и ягод мореники, которые страшно пачкали руки темно красным соком, и для незнающих людей считались ядовитыми. Еще бы! Всякий, кто пробовал сырые плоды, польстившись на сладость, надолго запоминал тошноту! Зато стоило их ошпарить кипящей морской водой, цвет коварной мореники менялся на чернильно-черный, и эти ягоды становились лакомством. Дома бабуля учила Катарину, как из них сварить густой мармелад или прозрачный сироп.

Весной они собирали яйца птиц, густо населявших скалы, и бабуля строго следила, чтобы Кая не взяла ни одного лишнего, приговаривая, что придет и следующая весна, и что птицам тоже нужно жить и растить потомство.

А еще, в тихих лагунах между островами, Белка разыскивала водоросли, годные для разных надобностей, съедобных моллюсков, и большие невзрачные раковины с толстым слоем перламутра внутри.

Раз в месяц бабушка плавала на рынок, чтобы продать и обменять их добычу и связанные ею носки да безрукавки на что-то нужное в хозяйстве. А вечерами пряла нити из купленной тростниковой кудели и шерсти коз, которые после окрашивала в разные цвета. Во время штормов она постукивала спицами, сидя у огня и щуря светлые глаза. Даже наставницы Дома Ветров не смогли бы связать таких сложных узоров, на которых переплетались цветы и летали птицы. Кая печально вздохнула. А у нее неплохо получалось делать на продажу только игрушки из веток и раковин, принесенных морем.

А островной рынок! Разноцветные лодки, среди которых их «Ласточка» выглядела внушительно и солидно, толпились у рыночного причала. Гонять с друзьями, перепрыгивая с одной на другую, вот это была забава! Их все знали и уважали, покупатели подходили к их прилавку, здоровались, трепали девочку по волосам - помощница растет, и уходили, кто со створками раковин для поделок, кто с горшками, наполненными сладким мармеладом, кто с пучками сухих пахучих трав – железницы, дикого шалфея или цмина. И всегда, возвращаясь с

базара, бабушка покупала Кае то леденцы на палочке, то пропитанные медом лепешки. Хорошо было.... До тех самых пор, пока не попала в эту мерзкую башню.

Все началось с холодного ветра, налетевшего среди знойного дня и просыпавшегося ливнем на скалистый островок, где, уже обливаясь потом, внучка с бабулей перебирали собранную моренику. Случилось это настолько неожиданно, что даже бабушкина способность предсказывать погоду дала сбой. Кая радостно визжала и смеялась, подставляя лицо холодным каплям. Старая женщина куталась в плащ. Уже дома она не на шутку разболелась, и Катарина варила ей травяные отвары, растирала спину и грудь уксусом, ставила компрессы из жира морских коров и водорослей. И хотя болезнь отступила, но прочь не ушла.

Тот последний год они все реже выбирались к островам, и еще реже на рынок. Часто, среди домашних хлопот, бабушка замирала тяжело дыша, прислушиваясь к себе, и не раз Кая заставляла ее за пересчетом семейных сокровищ - горсти жемчуга, нескольких редких радужных раковин и красивого ожерелья, подаренного дедушкой жене. Было это давным-давно, когда оба были молоды, задолго до его последнего похода с Главным Смотрителем к Кольцу Ветров. В том проклятом походе вся команда, кроме самого Смотрителя и кормчего, сгинула в непроглядной мгле. Бабушка так никогда и не смирилась со смертью мужа, надеясь, что его просто унесло сильным течением, и когда-нибудь он вновь появится на пороге родного дома.

А потом на их остров приплыли две разодетые дамы в сопровождении вооруженных Стражей Архипелага, и расспрашивали жителей о детях из бедных семей. Женщины эти были любезны и улыбки, но почему-то все страшились их больше, чем акул, изредка заплывающих в окрестные воды. Белка сразу поняла, что что-то с ними не так, увидев, что бабушка, её храбрая и сильная бабушка, боится. Когда эти дамы пришли в их дом, они сразу не понравились Катарине. Важные женщины брезгливо морщились, осматривая комнаты, но говорили при этом ласково. И вопросы задавали странные. Кая отвечала односложно - нет, её никогда в жизни не били, и даже не ругали. Нет, она вовсе не голодает и никогда не голодала. Нет, она никогда не лазала по высоким скалам и не рисковала, как им такое и в голову пришло?

Когда эти неприятные особы наконец-то удалились, бабушка вздохнула с облегчением, но Кая видела, что страх ее не отпустил. На все расспросы, почему все боятся этих теток, Белка узнала, что они забирают детей у родных, навсегда. Таких детей отвозят в приюты, и никто еще не вернулся оттуда. И чтобы она, Катарина, не попадалась на глаза таких дам.

На следующую ярмарку бабуля уехала без Белки, присоединившись к ближайшим соседям. А вернулась одна, в незнакомой крошечной лодчонке, и на удивленные вопросы внучки, зачем им это добро, отмалчивалась. А потом и вовсе отправилась в Ветроград, столицу Дома Ветров, на несколько дней, оставив Катарину на попечительство все тех же соседей.

Это многодетное семейство ругалось и веселилось с одинаковым жаром и задором. А какие заковыристые ругательства выучила тогда Белка от дяди Ставроса! Он кричал на домоладцев страшным голосом так, что трясся весь дом. Впрочем, только дом он и сотрясал. Все близкие пропускали его ругань мимо ушей, прекрасно зная, что огромный бородатый Ставрос добродушен и безобиден. «Он как кит-ревуха. Кто впервые слышит его вопли, пугается вусмерть. Только вот более безобидную животину и представить трудно!» – посмеивалась его жена Лана.

В те веселые дни Кая вволю наплавалась и наскакалась с высокого обрыва в море, нарушая все установленные бабушкой правила. Не могла же она показаться трусихой перед соседскими мальчишками. Время в гостях пролетело быстро и весело.

Поэтому неприятности, посыпавшиеся вскоре на голову, стали для Белки полной неожиданностью.

Катарина бежала от берега к дому, спеша отнести на кухню пойманных рыбешек, чтобы побыстрее вернуться в компанию, когда под окнами, расслышала знакомый голос.

«Бабуля! Вернулась!!» – Девочка решила потихоньку подкрасться, выскочить и сперва напугать, а потом крепко её обнять. Подавив смех, Белка начала красться к двери, особо не вслушиваясь в доносящийся из комнаты разговор.

- Ох и пришлось мне обегать разных господ... На порог не хотели пускать. Уговорить отнести старому Смотрителю письмо стоило мне лучших жемчужин. И кто знает, прочитал бы он его – да я догадалась знак флота, что из мглы не вернулся, на конверте нарисовать. Видно, увидал и о клятве вспомнил.

- И что, сам старый тебя принял?! Ты видела его?! – голос Ланы аж задрожал.

- Еще чего, держи карман шире. Секретаришка какой-то, и тот мелкий. Говорит – изложите вашу просьбу. А как услышал, аж глаза выпучил: “Где это слыхано о таком просить, не благородные вы и Силы ни капли в вашей семье нет.” Ну, я и напонила о клятве Смотрителя, что давал после того похода проклятого. Потом еще день ответа ждала. Согласился, когда я уж и не надеялась. Мы ни о чем до сих пор не просили, и когда без мужа осталась, и даже когда сын со снохой сгинули, сама справлялась. Не могу больше... Давно Ветра зовут к себе, да все настойчивее, не успею я Каю поднять. А девочка, одна.... Сама знаешь, куда таким дорога... – бабуля горько вздохнула, поправив седые короткие волосы.

— Вот еще! А мы то, на что?! Уж одну не оставим, не думай даже!.

- Знаю, что вы друзья настоящие. Только вам своих растить да растить.

Разговор резко оборвался, когда Кая с воплями кинулась на шею любимой бабули. И тогда девочка на время попросту забыла про услышанное.

Отдохнув с дороги и наведя порядок в доме, бабушка подозвала к себе Катарину и торжественно сообщила, что отныне та посвятит время ученью: чтению и письму. И научится одеваться в привезенные из столицы платья вместо удобных туник из мягко выделанной рыбьей кожи. Перемены эти совсем не понравились Катарине. Платья казались неудобными и колючими. Читать по слогам она умела, и не понимала, какой смысл совершенствовать этот навык. И только когда перед ней на столе появилась красивая дорогущая книга с картинками, купленная вместе с платьями, Белка взялась за учебу. Уж очень замечательными и загадочными были картинки!

И когда Катарина, наконец, привыкла к дурацким платьям и прочитала все истории из книги, бабушка позвала ее на серьезный разговор. Усадив непоседливую внучку перед собой и глубоко вздохнув, начала издали.

- Кая, солнышко, еще немного, и тебе исполнится полных восемь лет... Ты у меня умница и помощница. Но мир не ограничивается нашим островом. Я тебя очень люблю и поэтому хочу, чтобы ты на некоторое время покинула наш Ключевой. Посмотрела на другие земли, города, на Маяки! Своими глазами увидишь башни Ветрограда! Поживешь там немного в компании девочек, у тебя будет много подружек, и там ты научишься множеству полезных вещей.

Белку слегка насторожил приторно заискивающий тон бабушки. Но известие о путешествии в столицу вызвало у девочки бурю восторга. Если бы она знала, во что выльется «немного пожить», сбежала бы в самый дальний конец Ключевого и пряталась, пока у бабули блажь не пройдет.

Путь на борту любимой Ласточки в Ветроград был, пожалуй, последним радостным событием.

Кая восхищалась пройденными островами всё больше по мере того, как их Ласточка приближалась к главному городу. Их встречали тянущиеся ввысь шпили маяков с неизменно горящим белым огнем на самом верху. В огороженных фермерами лагунах десятки, даже сотни морских коров вальяжно принимали солнечные ванны. Проплывали мимо подводные поля моллюсков, а по соседству работники возделывали целые плантации съедобных водорослей, одной такой хватило бы на целый год для жителей Ключевого....

На подходе к Ветрограду, скалистые островки все больше обрастали красивыми зданиями с острыми крышами и причудливыми флюгерами, арочными мостами, и башнями, от которых захватывало дух. Встречные лодки становились все больше и изящней, с сияющими скульптурами крылатых людей и птиц на носу и ярко белыми парусами. Некоторые были настолько большими, что Катарина терялась в догадках, как их корпус составили из шкур китов-бродяг, и сколько животных завершило свою жизнь, чтобы это чудо важно рассекало волны.... Сама она как-то с вершины скалы, издалека, видела стаю этих китов, и поразились их величию и грации.

Столица встретила все теми же чудесными воздушными домами, облепившими скалы и огромным ярким маяком, возведенном на отходящем от острова узком мысе, белой иглой врезавшимся в облака. А в отдалении, с противоположной стороны открывшегося берега, заключенная в пустоту, высилась серая громадина. Страшная, ни на что не похожая башня, совершенно не вязавшаяся с окружающим городом. Темное цилиндрическое, немного сужающееся кверху, строение. Она нависала над обрывистым, словно срезанным под ней берегом. И все нарядные домики словно в страхе отодвинулись подальше от мрачной соседки. Белке она не понравилась.

Зато путь от дальних доков пристани, предназначенных для мелких судов и рыбацких шхун, до этого огромного мрачного здания, поразил воображение Каи. Пришлось пройти почти через весь город, начиная от густонаселенных окраин, где между домами на протянутых веревках сохло пестрое белье, а чумазные ребятишки, помладше Катаринины норовили запустить ладошку в карман или корзину бабушки, безошибочно почуяв приезжих. Потом потянулись кварталы побогаче, сверкающие ломящимися от товаров витринами лавок. От всего этого мельтешения у Каи закружилась голова.

А потом они вышли на круглую просторную площадь, и девочка встала, словно вкопанная, не в силах оторвать взгляда от творящегося там. В центре этой, окруженной изящными, словно парящими над землей домами, площади, стоял высокий каменный колодец. Самый обычный на вид. Время от времени кто-нибудь из прохожих кидал в него раковину–монету, столб светящегося воздуха поднимался из жерла, клубился и складывался в картинку, каждый раз разную. То обнимающейся пары, то величавого корабля, то неведомого Кае города.

На восторженный вопрос, что это – бабушка ответила, что обычное надувательство. Колодец предсказаний для тех, кому деньги девать некуда. Но Кая была в таком восторге, что, скрепя зубы, все-таки протянула внучке монетку. И Белка с замиранием сердца, бросила ее внутрь.

Ее обдало теплым воздухом, и над стенами колодца за клубилось бурное море с лодкой, очень похожей на Ласточку, с двумя крохотными фигурками на борту, большой и маленькой. Судно приближалось к стене из грозовых туч, за которыми уже ничего не было видно. Катарина толком и рассмотреть не успела, как видение исчезло.

- Ну, это же уже было! - разочарованно протянула она, — Вон, Ласточка. А это мы с тобой?

Бабушка лишь вздохнула.

Первый раз в Башню их не пустили. Не помогли ни увещевания, ни письмо с печатью, на которое никто и не взглянул. Привратник буркнул, чтобы приходили позже, когда появится кто-нибудь из начальства. К радости Каи, пришлось возвращаться, вновь проходя мимо волшебной площади, и искать самую дешевую гостиницу. На следующий день, когда они снова зачем-то отправилась к мрачной башне, Кая заупрямилась.

- Ба-а-а, ну бабу-уль! Можно я здесь останусь? Ну пожа-а-алуйста!

- Кая, Солнышко, это же обман сплошной, пустота! Нечего там смотреть, треск и блеск один. А город этот большой, тут не только добрые люди живут, всяких хватает. Обидит кто, ненароком.

- Ну, я тебя здесь подожду! Я отсюда - ни ногой, буду тебя ждать. Ну, ба-а-а!

Бабушка глубоко вздохнула, и уступила, рассудив, что ни к чему снова тащить любимую внучку к негостеприимным дверям, и понимая, что ее затея может закончиться полным провалом. А эти кварталы как-никак под охраной стражей порядка.

Строго-настрого наказав ни шагу с площади не ступать, и пробормотав охранный заговор, она оставила Каю одну и ушла настаивать, просить и ругаться.

Так Катарина целый день провела возле Колодца предсказаний, нетерпеливо ожидая, когда кто-нибудь раскошелится, и снова появятся разноцветные картины. Тогда она бросалась рассматривать их со всех сторон.

В скорости ей это надоело, и она подумала пойти разыскивать бабушку. Кая уже почти вышла на узкую улочку, ведущую к Серой башне, как увидела знакомую фигуру и бросилась навстречу. Они уселись на каменной скамье возле колодца.

- Вот, Солнышко, все и решилось. Завтра ты отправишься в одно прекрасное место, где учится много девочек. Там хорошо. Серая башня лишь на вид некрасива, на самом деле это одно очень важное место! – прижимая Катарину к груди, рассказывала бабуля, и Белке показало, что она пытается убедить саму себя, а не ее.

- А чему там учат? И когда ты забереешь меня назад? Не оставляй меня надолго, ладно? – у Каи в голове вертелась тысяча вопросов, – А ты? Что будешь делать ты?

- Я? – бабушка как-то прерывисто вздохнула, — Я отправлюсь за своим сыном, твоим отцом. И твоей матерью. Давно пора....

Белка порывисто прижалась к морщинистому лицу.

- Возьми меня с собой! Мы их вместе искать будем! Вдвоем, ведь, легче! Я помогу! Мы их отыщем! Я всегда это знала!!!

Бабушка лишь крепко обняла, и почти не выпускала ее, до следующего дня, дня расставания.

Но даже, когда ее уводили внутрь этого мерзкого сооружения, Белка не подозревала, как надолго затянется ее пребывание здесь. А тогда, оглядываясь на машущую рукой бабушку, она шагала, подгоняемая двумя служанками, ведущими ее длинным белым коридором и болтающими так, словно Кая была пустым местом:

- Не понимаю, откуда к нам это чудо-юдо попало? Не девочка, а чучело какое-то. Подумать только – ее какая-то нищенка сюда приволокла! К парадному входу, между прочим.

Катарина сразу и не поняла, что речь идет про них! Она даже задохнулась от возмущения, но женщина, не обращая на нее никакого внимания продолжала:

- Нет, ты видела? Так скоро сюда с улицы бродяг будут пускать.

- У той нищенки была бумага с печатью самого Смотрителя, — возразила ей вторая, – Кто знает, кто эта старуха. Говорят, старый был тот еще бабник. Может девочка, это какая его внучка?

- Шутишь?! Старик знал толк в женской красоте. А это.... – женщина сердито дернула совсем растерявшуюся Каю за руку, – Уж точно блистать не будет. И куда девать ее?! С нас же после спросится, зачем привели. Она ж совсем мелкая! И щуплая, словно голодала.

- Так бумага есть? Имеется. Какой с нас спрос? Веди в младшую группу, где собраны дочки слабых семейств, а там пусть разбираются...

Так Катарина очутилась в этом чудном и враждебном месте....

Сперва она надеялась, что скоро вернется домой. Но время проходило, а никто не вспоминал о ней. А перед сезоном зимних штормов, когда воспитанники разъезжались посетить близких, за Каей приплыл сосед. Весь путь до Ключевого она светилась от радости, не обращая внимания на поведение Ставроса, старательно отводящего взгляд и уклоняющегося от всяких разговоров о доме.

А на причале ее встретила соседка, обняла и сообщила, о том, что бабушку позвал к себе Ветер Севера, и она на маленькой лодке отправилась в его Чертоги, как поступали поколения предков. Лана плакала и тяжело вздыхала.

Белка разозлилась. Она то, точно знала, что бабуля отправилась на поиски мамы и папы. Сама это сказала! Плакать-то чего?!

И вот сейчас Кая сидела и мучила вязание. На сей раз руки не слушались совершенно. Потому что в голове вертелась мысль о подслушанном открытии... Надо же, эта серая уродина и есть Первый Маяк. Это не укладывалось в голове. Зато сильно упрощало задачу и дарило надежду выбраться отсюда домой. Неправда, что бабушку позвал какой-то там ветер. Она уплыла к далеким островам. И вернется не одна! Стоит только сделать все правильно и загадать желание.

Когда, наконец, прозвучал сигнал, означавший перерыв на обед, Белка с облегчением затолкала вязание в корзину, которую задвинула в глубину шкафа и вылетела из классной комнаты. Воспитанницы и воспитанники разных возрастов, по переплетениям лестниц и коридоров, спускались в трапезную, болтая о всякой всячине и спеша обменяться сплетнями. Это было единственное место, где мальчики и девочки находились вместе. Вся учеба и досуг проходили в разных помещениях и даже этажах.

На лестнице Белку догнала толстушка Маргарита, которую Кая считала подругой в Серой Башне.

- Ты где пропадала? Опять лазила на верхние этажи? – от быстрой ходьбы девочка учащенно дышала, стараясь попасть в шаг с Катариной.

Каю распирало желание рассказать о том, что узнала, но она пересилила себя. Маргоша проболтается. Точно. Не из вредности, а просто из-за своего мягкого характера. Лучше Белка ей расскажет все позже. Когда найдет гнездо синей чайки. И когда придумает, как попасть на самый верх башни так, чтобы никто об этом не узнал и не догадался, где надо сжечь то самое перо. А пока пусть думает, что она просто бродила по пустым этажам.

- Ну, да. Сперва и правда почистила под кроватями, чтоб Селедка опять не орала. А потом поднялась наверх, где почти никого не бывает. Помнишь, я там раньше, несколько гнезд нашла? Решила посмотреть, не пропустила ли какое. Может, яйца найду. Весной.

- Да зачем тебе сдались эти яйца? Здесь всегда накормят, и, небось получше, чем дома. Даже у нас таких десертов никогда не было! А мои, как-никак, семья в дальнем, но родстве со Смотрителями. Да и яйца раньше праздника Возгорания не появятся, — тут Маргоша осеклась, поняв, что допустила бестактность, и тут же поспешила поправиться, — Ты не переживай. Селедка, конечно, злюка, зато Лидия быстро отходит. Она за тебя вступится, вот увидишь! Она ворчит всегда и обзывается обидно, но зла долго не держит! Ещё никого не оставили здесь на праздники!

- Похоже, я буду первой, — буркнула Белка.

- Не будешь, уж поверь мне! А воротничок все-таки новый свяжи. Хочешь, я тебе помогу?

Кая благодарно улыбнулась подруге, и они вошли в общую столовую, за длинными столами которой приступали к обеду младшие воспитанники.

Белка мечтала побывать внутри Главного Маяка. Старшие девочки рассказывали о летающих лодках, с помощью магии поднимающих гостей в верхние залы. Еще ей до ужаса хотелось увидеть, как Главный Смотритель и его приближенные передвигаются в пространстве, перелетая с места на место. Или убедиться, что все это враки. И еще увидеть своими глазами чудесные миражи на праздничном соревновании наследников, старающихся переплюнуть друг друга в создании фантастических существ, городов и кораблей. На Ключевом ничего подобного не было.

Но теперь идея подняться на крышу Гнезда Ветров, стала ее главным желанием. Катарина ни разу не слышала, чтобы кто-то из учеников проделывал такое ради любопытства. Возможно, все дело было в вышине Серой Башни. Мало кто решится карабкаться по бесконечным лестницам на самый верх, неуютно глядящий на мир темными окнами. Тут вам никакой магии не предусматривалось. Правда раз в месяц–полтора, проходили какие-то проверки состояния верхних башенных ярусов. Что не удивительно, если учесть участвовавшие землетрясения, иногда почти неприметные, иногда пугающе ощутимые. За полгода пребывания здесь Кая почти привыкла к ним, а остальные девочки и вовсе не замечали. На время таких проверок проходы закрывались и все сидели на своих этажах. Сама Белка уже добиралась до пустующих комнат, но до крыши было далеко. Учебные и тренировочные классы, столовая с кухней, кладовые, а также большие и маленькие комнаты, заселенные подопечными, прислугой и учителями располагались в нижней половине башни. И чем выше поднимались лестницы, тем меньше людей встречалось в коридорах.

Сидя за общим столом, Катарина ела рыбный суп и жаркое из моллюсков с водорослями, размышляя, как бы так отлучиться, чтобы времени хватило для пути наверх и возвращения, и чтобы никто не заметил ее отсутствия.

Белка едва дождалась конца занятий, вечерней прогулки и отправки ко сну, надеясь в тишине обдумать, как действовать дальше. В общих спальнях ночевало большинство воспитанниц, за исключением девочек, чьи семьи отличались особой силой и были в близком родстве с кланом Бореев, правящим в Доме Ветров. Такие жили в отдельных комнатах и общались исключительно с себе подобными.

Кая забралась на свою кровать, села, обхватив колени и погрузилась в планы проникновения наверх. Сперва она разведает самый простой путь - по лестницам. Доходят ли они до самых последних этажей, и есть ли выход на крышу. Если со времен Первых, башня не менялась, не перестраивалась, и даже трещины в стенах на верхних этажах никто не удосужился заштукатурить, выход должен быть там же, что и много лет назад. Поднялся же туда Первый! А если кто из взрослых спросит, что она тут делает - ответит... Да придумается что-нибудь подходящее. Врать Белка умела.

Болтовня соседок по комнате не давала сосредоточиться, и волей-неволей, внимание Катаринины переключилось на их разговоры. Конечно же, тема исполнения желаний возникла и на сей раз.

- Вот бы найти синее перо..., – Марго мечтательно вздохнула. В темноте скрипнула кровать – Я бы обязательно загадала, чтобы меня полюбил самый красивый и добрый из Наследников. Жить в главном Маяке, кататься каждый день на летающих лодках, есть пирожные... Вы их пробовали?! Это же просто чудо какое-то!

- Будешь трескать пирожные, станешь ещё толще, и лодки наверх не поднимут. Не потянут. Тогда тебе никакое перо не поможет. Все знают, что наследники выбирают самых красивых девочек! – подала голос соседка по койке Николетта.

В темноте Белка ее не видела, но точно знала, что сейчас она картинно поправляет свои золотые локоны, вызывающие острую зависть у других девочек.

- Совсем не обязательно! – Маргарита слегка обиделась – И вовсе я не толстая, я равномерно развитая. Вот. И вкусы у людей разные. Может, не всем только худые и тощие нравятся.

- А я свое желание точно исполню! Мне папа обещал купить перо синей чайки у рыбаков. Найдут, только плати, – перебила Кларисса, девочка, чья семья занималась торговлей по всему Архипелагу, – И уж тогда я уговорю его добиться разрешения на посещение Зала Огня!

- Ты ему рассказала про исполнение желания?! – ахнула Николетта.

- Нет, конечно. Сказала, что мне очень нужно для украшения платья на Праздник Возжигания. Что это последний писк моды. Да и зная моего отца... Он в такое точно не поверит,

иначе, будьте уверены, он бы давно приобрел целый ворох этих перьев... Уж лучше я сама загадаю желание. Или два...

- Какое?! – донеслось сразу несколько встревоженных голосов. Уж если Кларисса вмешала своего любящего отца в эту историю, нет сомнений, перо у нее в скорости будет. А учитывая склочный нрав, кто знает, что придет ей на ум.

- Ну, первое желание я вам не расскажу. Это тайна. И вам ее знать ни к чему. А второе - чтоб никто из вас не смог подняться выше меня и поселиться на Главном Маяке. И вообще, если захочу, будете тут до старости куковать, как Лидия с Селедкой. Если только не попросите у меня как следует.

Поднялся возмущенный гул, девочки перебаривали сказанное. Заявление не казалась им шуткой.

- Да ничего у тебя не получится, не слушайте вы ее! – громко возмутилась Белка, — Много она знает.... Думаешь, все купить можно?

- Что-о?! Ты, малявка, молчи вообще. Молись, чтоб тебя в посудомойки приняли! Таких мелких дурочек дальше кухни и не пускают. Вот опять увидят, как ты в море голышом купаешься, сразу поймут, что с головой у тебя не всё в порядке.

Несколько девочек подхалимски засмеялось.

Белка задохнулась от возмущения и обиды. Ей и сейчас было неприятно и стыдно вспоминать свой промах. В первые дни пребывания в Башне, Катарина страшно тосковала по морю, шуму прибоя и ласковой соленой воде, которые видела лишь издалека. Поэтому на первой же прогулке по берегу, когда воспитанницы неспешно расхаживали по мелководью, держа над головой кружевные зонтики от солнца, недолго думая скинула одежду и бросилась в волны. Она так соскучилась по плаванию, что не сразу заметила переполох, поднявшийся на берегу. Девочки визжали, Лидия прямо в юбке, по пояс в воде горланила ее имя, а Селедка бегала по пляжу, словно перепуганная курица. Когда подплыла к берегу, Лидия грубо выволокла ничего не понимающую Каю на берег и отходила по попе ее же мокрым платьем, вызвав взрыв веселья у воспитанниц. Было не больно, но страшно унижительно. Уже после Маргоша объяснила, явно повторяя чьи-то слова, что плавают, словно глупые утки, только обычные рыбачки да жены фермеров, а дамам благородным плавать вообще зазорно. Иначе чем они лучше простолюдинок? Да и зачем?

Для Катарины, как для любого жителя окраинных островов, неумение плавать было равносильно неумению ходить, или говорить. Белку совершенно устраивало и далее числиться в простолюдинках, лишь бы вернуться домой. Но с того дурацкого события соученицы постоянно задирали ее по поводу и без. А когда Катарина вылезла на карниз окна, чтобы посмотреть на подросших птенцов какой-то незадачливой пернатой мамыши, Лидия, снова поднявшая тревогу, обозвала ее непутевой белкой. За очень короткий срок это прозвище намертво приклеилось к девочке.

Чувствуя, как закипает, Катарина сжала кулаки:

— Вот увидишь, ничего у тебя не получится! И у папаши твоего. Потому что огонь на Главном маяке, — тут она осеклась, поняв, что чуть не проговорила, и закончила уже другим тоном, — Потому что к огню всяких дураков не пускают!

- Ах ты крыса мелкая! Да я, когда стану главной дамой, так тебя даже на кухню не подпущу! Нищенкам там не место! Прикажу выбросить на твой вонючий островок! Покажу тебе «дураков»!

Катарина вскочила, ощутив порыв ветра, ворвавшийся в спальню и обдавший ее холодом.

- Да если хочешь знать, мой остров в сто, нет, в тысячу раз лучше всех ваших мерзких Маяков! А ты все равно дура! И рыбаки лучше всяких таких «благородных», – зашипела разъяренная Белка, готовая вцепиться в противницу.

- Тогда я прикажу отправить тебя в Приют особенных, вот! И из тебя там сделают уродца. Им и трудиться особо не потребуется, — осклабилась Кларисса, и при упоминании этого страшного места, тихий гомон в комнате затих.

- А ну-ка, цыц все! – спокойный и громкий голос Адрианы, девочки немного старшей по возрасту, рассудительной и всем симпатичной, перекрыл все остальные, — Нашли из-за чего ругаться! Из-за детских суеверий! И не стыдно? Спать давайте, а не то опять услышит наставница Клавдия и всем придется отрабатывать наказание! Тишина!

Голоса стихли, а потом снова завязался разговор, уже на другие, неинтересные Кая темы.

Белка с головой закуталась в одеяло, стараясь защитить себя от вездесущих сквозняков, завидуя тем, кто спит под балдахином в комнате, предназначенной только ему одному. Она зажмурила глаза и начала красочно представлять себе, как находит заветное бело-голубое перо с ярким синим кончиком, как разжигает огонь на крыше Серой башни и переносится на Ключевой, в объятия бабушки. И как ею восхищаются соседские мальчишки и хвалят взрослые. Как весело в ее доме. В голове мелькнула мысль, что надо бы раздобыть магический камень огневик или, на худой конец, огниво. Мысли плавно перетекли в красочные видения, а те в легкие и радостные сны.

Наутро, после завтрака и обязательных уроков чтения и математики, Белка решительно подошла к наставнице Лидии:

- Старшая наставница, разрешите мне сегодня подольше позаниматься уборкой. Я исправиться хочу.

Лидия с недоверием уставилась на девочку. Уж во что, а в благие намерения и желание поработать у учениц она не верила. Однако, поразмыслив, решила, что отлучение от праздника не на шутку испугали Катарину и милостиво кивнула.

- Хорошо, можешь пропустить занятия танцами, для тебя от них и так пользы никакой. Наследники сейчас на уроках, и до обеда в комнаты не вернуться. Можешь начать, наставницу Клавдию я предупрежу. И смотри, я проверю, что ты там наубирала.

Белка горестно вздохнула, в душе ликуя и прикидывая, сколько времени у нее в распоряжении. Заглянула в подсобную каморку, взяла метлу и ведро и понуро прошла мимо одноклассниц и наставниц, всем видом демонстрируя скорбь и печаль.

Поднявшись на этаж младших воспитанников, Кая поспешно запихнула весь мусор и брошенную на пол одежду поглубже под кровати, разумно решив, что наставница Лидия низко нагибаться не будет, а чистый пол ее вполне устроит. Убрав таким образом три первых комнаты, Белка решила, что, пожалуй, хватит. Оставив ведро с метлой в коридоре, она рванула к близлежащей боковой лестнице и бросилась вверх.

Бегом прошмыгнув мимо ярусов, занимаемых средними, затем старшими классами, Кая миновала пустующие в это время этажи учителей, пробежала мимо пролетов, ведущих в помещения для прислуги, стараясь никому не попадаться на глаза. Наконец, добравшись до знакомых безлюдных коридоров, прислонилась к стене и отдышалась, поежившись от холодного ветра, задувающего в окна. Путь предстоял неблизкий. Решив, что теперь вряд ли кто-нибудь ей встретится, Белка по переходам вышла к центральной лестнице и продолжила подъем. Сперва она шагала по ступенькам, стараясь ступать как можно тише и прислушиваясь к редким голосам, гулко отдающимся в пустых помещениях. Со стен с облезлой побелкой на нее смотрели надписи и рисунки учеников, свежие и старые, почти исчезнувшие под слоем пыли. Вскоре все звуки обитателей башни затихли, Катарина слышала лишь эхо своих шагов, и свое же учащенное дыхание.

Поднимаясь все выше, она представляла себя одним из Первых, исследующих дикий остров. Кая внимательно разглядывала лестничные проемы, воображая, что видит новые земли и отдавала приказы невидимым спутникам.

Однако эта игра быстро надоела ей, лестница была однообразной и неинтересной, даже надписи исчезли. Ноги непривычно ныли. Некоторое время спустя Белке начало казаться, что ступени бесконечны и не ведут никуда. В глубине души родилось сожаление о потраченном времени и силах, и появилась предательская мысль - не вернуться ли назад, пока не поздно.

На одном из бессчетных гулких этажей, в привычной стене открылся провал, обрисовывавая некогда находившиеся здесь двери. Катарина заглянула внутрь и тут же отпрянула. В крошечной темноте, вниз тянулась бесконечная шахта. Белка присела на колени и вытянув шею, заглянула во мрак, стараясь увидеть хоть что-нибудь, затем взяла в руку кусок отвалившейся штукатурки и бросила вниз. То ли дно шахты было слишком далеко, то ли штукатурка упала на что-то мягкое, но звука падения она так и не услышала. Лишь непонятный шорох, отдающийся многократным эхом. В лицо пахнуло застоявшимся воздухом, разившим плесенью и столетней пылью. Катарина громко чихнула, и этот звук раздался неожиданно громко, заставив вздрогнуть. Взгляд приковала тьма, клубящаяся в глубине. Чтобы разбить жутковатую тишину, Кая громко и наигранно-бодро произнесла:

- Интересно, что здесь было? Колодец, наверное. Пили же что-то в этой башне. Как только воду из нее доставали?

Логика подсказывала, что колодцем это быть не могло, и, вероятно, такие проемы должны были иметься на каждом этаже, только их замуровали, чтобы никто не лез туда, как она сейчас.

Постояв с минуту, Белка словно очнувшись, быстро двинулась вперед, поспешив убраться от темного провала. В памяти всплыли рассказы про приведение Первого, бродящего по пустым этажам. Это придало сил и скорости, пока однообразный подъем снова не начал отнимать силы.

Она все чаще делала остановки для отдыха, и когда поход наверх совсем наскучил, Катарина решила выйти на этаж и выглянуть в ближайшее окно, чтобы увидеть, до какой высоты ей удалось подняться.

В лицо ударил порыв ветра. Ветер и пот, застилающий глаза, сперва не позволяли сфокусировать взгляд. Белка вытерла рукавом лицо и огляделась. Далеко-далеко внизу, до края горизонта лежало море, серое и беспокойное в это время года. Соседние острова выплывали из тумана, завораживая фантастическими силуэтами воздушных острокрытых башен и арок. Редкие кораблики, словно детские игрушки, качались на волнах, казавшихся отсюда маленькими и неопасными. Стаи дельфинов, таких крошечных, что Кая сперва не поняла, что это именно они, вспенивали воду. Все это было настолько красиво и мощно, что девочка задохнулась от распирающего восторга. Никогда еще она не смотрела на мир с такой высоты.

Сознание того, что до крыши осталось совсем немного, подстегнуло ее продолжить путь. С каждым этажом лестница и коридоры становились еще обшарпаннее, трещины в стенах все шире, а в ступеньках появились провалы с торчащими из них толстыми металлическими прутьями, кое-где покрытыми налетом ржавчины.

Наконец, ступени вывели её не на очередную лестничную площадку, а в просторный зал с толстыми колоннами, упирающимися в потолок. В лицо ударил свежий ветер. Стая голубей с шумом взлетела почти из-под ног, заставив Катарину подпрыгнуть от неожиданности. Пустые окна, расположенные по периметру, давали широкий обзор целого Столичного острова с иглой маяка, волнующегося моря и крошечных парусов кораблей. Белка с любопытством обошла просторное помещение, стараясь не замечать многолетних слоев птичьего помета.

— Вот бы сюда привести Марго, а еще лучше друзей с Ключевого.... Небось, никто из них не залезал так высоко. Интересно, почему тут все так запущено. А птиц сколько по весне здесь появится! Только не синяя чайка! Их гнезда всегда на самом неприступном месте, откуда видно все вокруг. Она, скорее всего, на крыше, точно! Эх, знать бы на Ключевом про синее перо....

Белка осмотрелась, стараясь понять, как подняться дальше. Внутренний голос подсказывал, что уже давно пора возвращаться назад, но азарт исследователя заставлял продолжить. Еще раз оглядевшись, Кая увидела среди наслоений птичьего помета и пыли самую натуральную едва приметную тропу, напоминающую тропы на скалистых островах. Здесь ходили, не часто, но и не единожды. Следы вывели в короткий коридор за незаметным дверным проемом. Через этот коридорчик Белка вышла к узкой лестнице. Еще немного вверх, вдоль растрескавшихся стен и полуобвалившихся узких оконных проемов, и она поняла, что почти достигла цели.

На верхней площадке путь преградила массивная дверь, выглядящая новой. Она совершенно не вязалась с тем запустением, что царило вокруг.

Катарина, поевшись от предвкушения, сделала несколько шагов, чтобы подойти и толкнуть ее, но неожиданно перед ней начали возникать причудливо переплетенные светящиеся решетки. Кая восхищенно ахнула. Магия! Незнакомая и страшно интересная! Она опасливо протянула руку, чтобы коснуться светящихся линий, погладить. И тут же отдернула ее, шипя от боли. Воздух заполнил резкий тревожный запах, а рот наполнился кислятиной. Нахлынула острая обида и разочарование.

Белка в бессилии топнула ногой. Эта строго охраняемая дверь подтверждала, что ее догадки правильны. Иначе какой смысл закрывать выход на пустую крышу? Ясно же – чтобы не нашлись такие же, как она умники и не начали загадывать свои желания направо и налево.

Разочарованию Катарина не было предела. Потоптавшись с минуту и побросав камушки сквозь свободно пропускающую их магическую решетку, она уже было развернулась, признав поражение, но неожиданное движение тени заставило ее резко обернуться. В пустом узком окне стоял кот, держа в пасти еще трепыхающегося голубя

- Дымок! Миленький! Кис – кис!! – Белка с воплем кинулась к коту, но тот лишь прижал уши, злобно зыркнул, спрыгнул на пол, и спешно удалился, задрал хвост. Все знали, что Дымок, единовластный кошачий хозяин Башни, терпеть не может детей и страшно царапается при каждой попытке его погладить. Подобные фамильярности он мог стерпеть лишь от поварих.

- Интересно, откуда он появился... – Белка почесала почти зажившие царапины на руке, оставшиеся после последней встречи с котом, высунулась из окна и огляделась. Крыша нависала узким козырьком, не давая разглядеть, что там, наверху. Прямо под этим козырьком, слева и справа, до куда хватало взгляда, тянулись одинаковые, небольшие оконные проемы. И соединял их длинный выступ, над которым, на равном расстоянии, торчали куски арматуры, оставшихся, видимо, от обрушившегося карниза. Окно справа должно вести в помещение за закрытой дверью. Если встать на выступ и придерживаться за торчащую толстую проволоку, за вон ту щель, а потом вон за ту железяку, можно играючи добраться до соседнего окна. А уж за ним, несомненно, и есть выход на крышу Серой Башни.

Детская самоуверенность и умение ловко карабкаться по скалам, подтолкнули Белку к решительным действиям.

Она завернула подол платья под пояс, в очередной раз удивившись, кому пришло в голову придумать такую неудобную одежду, подтянула чулки и решительно забралась на подоконник. Дотянувшись ногой до выступа, осторожно спустила на него вторую, вцепилась в обломки арматуры и сделала первый шаг, стараясь не смотреть вниз. «Ничего страшного, не сложнее, чем искать яйца на скалах», — мысленно подбодрила себя Кая и сделала второй шаг к соседнему окну, которое почему-то теперь казалось очень далеким. Третий шаг дался легче, руки привычно находили неровности в стене, а ноги медленно продвигались вперед. Ветер дул в лицо, мешая идти, но повернуть назад было глупо. Белка сделала еще пару шагов и наконец, дойдя до цели, поспешно перевалилась через подоконник в пустоту чердака.

- Я же говорила, ничего страшного! - подрагивающим голосом похвалила она себя, чтобы подбодрить и, чего уж говорить, полюбоваться собственной смелостью. Отдышавшись,

и попривыкнув к полумраку, Катарина огляделась в поисках лестницы. Однако помещение, в которое она попала, очевидно было небольшим и огороженным стеной от лестницы, ведущей непосредственно на крышу. А она была уже так близко, в трещины над головой проникал дневной свет. Казалось, только руку протяни. Белка упрямо сжала кулаки, задохнувшись от обиды. Прodelать такой путь...

Задрав голову, она осмотрела потолок над собой. Затем решительно двинулась вглубь помещения, вдоль длинной щели, тянущейся параллельно одной из внутренних каменных перегородок. Отступать ей не хотелось, и очень не хотелось опять карабкаться между окон, не достигнув никакого результата.

Не зря наставницы ругали Белку за упрямство. В одном месте перегородка обвалилась, давая возможность по ее разрушенному краю подняться наверх, а щель над ней казалась довольно широкой, чтобы попытаться выйти на поверхность крыши.

Катарина ловко вскарабкалась к потолку и с замиранием сердца приблизилась к узкому разлому, из которого бил свет. Вытащив руку на поверхность, Белка подтянулась. Обдирая кожу о толстый слой бетона и борясь со складками одежды, она медленно, бочком, протиснула голову, затем плечи и облокотилась на поверхность крыши. Получилось! Радость распирала изнутри. Захотелось громко закричать, засмеяться во весь голос! Свет и ветер ударили в лицо. Широко распахнув глаза, Кая оглядела место, к которому так стремилась... Место, где был разожжен первый Огонь, и где она разожжет свой.... Чудной звук, похожий на лающий хохот ударил в уши

А потом ее взгляд упал на это...

Смех, рвавшийся наружу, захлебнулся.

Сперва Белка не поняла, что она видит. Спиной к ней, на самом краю, ведущему в бездну неподвижно стояла фигура человека. В первый момент Катарине показалось, что это чучело в каких-то невообразимых обносках, непонятным образом появившееся на крыше Серой башни. Длинные темные волосы, и то, что осталось от одежды, развевались на ветру, а сама фигура замерла, словно готовясь сделать шаг в пропасть. И от нее доносился страшный, не похожий на человеческий, хохот. В мозгу вспыхнула страшная догадка, что легенды о призраке Первого не лгут! Кая всхлипнула от испуга, и тогда человек повернул к ней лицо...

Жуткое перекошенное лицо, обросшее длинной бородой и обрамленное спутанными волосами глядело на нее безумным взглядом светлых, показавшихся белыми, глаз. Человек открывал рот и что-то говорил. Но Катарина, потерявшая способность двигаться и размышлять, не слышала ни звука, лишь с нарастающим ужасом наблюдала, как человек шевелит губами, и протянув руки шагает к ней.

Струна внутреннего напряжения, державшая ее в полном онемении и параличе лопнула, и тоненько взвизгнув, Белка рванула назад. Обдирая пуговицы с платья и царапая лицо о бетон, она буквально пролетела через щель. Вслед понесся рев, вой, складывающийся в слова – «Не убегай!!»

Время полетело испуганной чайкой.

Кая скатилась вниз, чудом не упав со стены. Вылезла с подоконника на уступ и в панике не заметила, как преодолела опасный путь. Перед самым спасительным окном, ведущим в ее привычный мир, платье зацепилось за арматуру. Белка забилась, словно пойманный воробей, рванулась и, оставив кусок подола висеть на проволоке, вывалилась на знакомый лестничный проем.

Она бежала без оглядки, прочь от двери с магической сетью, через зал с птицами, подгоняемая нарастающим ужасом, задыхаясь и преодолевая этажи, падая и снова устремляясь вниз, подальше от этого страшного призрака с дикими глазами.

Наконец, напрягая последние капли сил, Катарина выбежала на свой этаж, где тут же попала в цепкие пальцы Клавдии, давно поджидающей ее, и взбешенной до предела.

- Негодяйка!!! Неблагодарная дрянь! Тебя, ничтожество, приютили в этом благородном месте, терпят дурацкие выходки! – тут взгляд наставницы упал на испорченное платье девочки, и ее резкий неблагозвучный голос сорвался на визг:

- Платье-е-е!!! Грязнуля, что ты сделала с платьем!! Это перешло все границы! Я добьюсь, я вышвырну тебя отсюда, обещаю!!! – и, не видя никакой реакции от Катарины, едва держащейся на ногах и исчерпавшей все запасы страха, наставница схватила ее за плечи и начала трясти, словно тряпичную куклу. Белка, широко раскрыв глаза смотрела в пустоту перед собой, видя то безумные белые глаза, то черный провал с клубящейся тьмой, то искаженный рот Селедки, вертящиеся все быстрее и быстрее в диком хороводе. Подбежавшая Лидия успела вовремя подхватить падающую девочку на руки.

Глава вторая

Не может быть такого... Откуда?! Как?!

Он очень давно не видел людей, ни одного, кроме раз в год посещающего его магическую клетку надсмотрщика, без слов осматривающего место заключения и так же исчезающего. И возникающих из пустоты корзин с провизией и водой, говорящих о том, что кто-то бывает на крыше. Виктор никак не мог поймать момент их появления, всегда скрытый мороком. Да ещё тех маленьких, куда-то спешащих, словно муравьи, фигурок, за которыми жадно наблюдал с вершины Башни.

Мелькнула нелепая мысль - хорошо, что самое начало весны, не жарко, и он одет в лохмотья, оставшиеся от некогда дорогой одежды. Впрочем, девочка, если это не было бредом и галлюцинацией, вряд ли испугалась бы больше... Виктор взглянул на себя со стороны и невольно усмехнулся. За все время заточения, он никогда еще так не опускался. Даже в ту, самую страшную для него весну. Но тогда его держала холодная ярость и ненависть, теперь притупившаяся, превратившись в боль и чувство вины.

Он приблизился к узкому провалу ведущему вглубь помещений. Обшарил глазами каждую, много раз изученную неровность. Нет, девочка бредом не была. В расщелине застрял небольшой клочок темносинего материала. А ведь, не появившись она Виктор бессильно опустился на бетон.

Ну, раз так рассудил Хозяин Ветров, он еще поживет. Теперь поживет. Не дождетесь... Злая ухмылка скривила изможденное лицо.

Приговор, вынесенный Советом, показался ему сперва подозрительно мягким. Ибо совершенные преступления нарушали все принципы мирного сосуществования Домов и главные табу его общества – не смей использовать сразу несколько стихий и не убий себе равного. Во всяком случае так, чтобы убийство можно было доказать. И не применяй магию для убийства. Особенно, когда это видел десяток, а то и сотня глаз. И то, что напугало их больше всего - он почти вышел за пределы Стены Ветров.

Виктор знал, что его не убьют, поскольку публичные смертные казни отошли в прошлое полсотни лет назад. Позже, когда о его существовании забудут – да, постараются уничтожить. Но не теперь. Однако приговор к заточению на крыше Серой Башни удивил. Он, скорее ожидал заключения в каком-нибудь вонючем подвале, где до конца дней не увидит солнца и моря. От “дорогого кузена” он ждал нечто более изощренное, в качестве мести за смерть кровного родственника. Впрочем, Главным Смотрителем все еще является дед. И пока он жив, будет жить и Виктор. Хотелось верить...

Совет провозгласил тогда, что хоть он и совершил преступление, за которое пожизненно лишен свободы, однако в нем течет кровь Первого. А это накладывает на суд исполнить древнее обязательство, данное Стихии, где последний вздох каждого потомка Первого забирает Северный Ветер. То есть в подвалах ему сдохнуть не дадут... Откопали где-то правило, соблюдаемое сейчас только на самых отдаленных островах Дома.

И лишь через год Виктор понял, зачем его заключили именно здесь.

подавив вновь закипевшую ярость и волну отчаяния, он снова осмотрел щель. Нет, она не расширилась ни на палец... Хорошо, что когда-то давно, в самом начале заключения, убедившись, что протиснуться в нее невозможно, он не стал использовать этот разлом в качестве отхожего места. Понадеялся, что участвовавшие подземные толчки в конце концов раздвинут трещину. Хотя здравый смысл подсказывал, что магические плетения, оберегающие Серую Башню испокон веков, делают его чаяния абсолютно пустыми.

Не зря же в Гнездо Ветров поселяют всех Наследников, дабы облегчить им первые контакты с магией Воздуха, наиболее мощно проявляющейся именно здесь. Башня простояла в неизменном виде не меньше четырехсот лет. Поэтому на разлом даже не потрудились поставить ни обычной, ни магической защиты.

Впрочем, магия здесь и не работала. Вся поверхность крыши заключала в себя невидимая сфера, сплетенная для единственного заключенного, отводящая все силовые потоки и подавляющая любые магические проявления внутри себя. Заодно скрывая его от внешнего мира искусным мороком невидимости. В общем, Силы не пожалели.

Проклятая сфера сверху накрывала его, словно муху, загнанную под стеклянную чашу, и уходила вниз, вглубь чердачных помещений. Он никак не мог определить ее точный размер. Сколько бы Виктор не пытался, балансируя на самом краю крыши, дотянуться, выйти хотя бы кончиком пальца за пределы невидимой границы, этого не удавалось.

Все магические навыки и умения, над которыми он столько трудился, предмет его гордости, не стоили тут и выведенного яйца крачки.

И вот, разлом преподнес ему второй сюрприз... Первым сюрпризом было явление серого кота, и произошло оно еще в начале заключения. Тогда он метался в поисках хоть какого-то выхода. И не заметил, откуда появился здоровенный котяра, который с неподдельным интересом разглядывал попавшего в ловушку человека, пугающего его законную добычу - чаек и голубей.

Когда Виктор, не помня себя от радости, подлетел и попытался его погладить, тот зашипел, поцарапал протянутую руку и как ни в чем не бывало сел вылизывать шкурку, вполглаза наблюдая за захватчиком своих охотничьих угодий.

- Понял, понял! И ты меня считаешь преступником. Ладно. А что скажешь на угощение? Может, сможем договориться? - Виктор бросился к своим пожиткам, достал вяленую рыбу (поначалу его неплохо кормили, регулярно) и предложил гостю. Кот подождал, когда человек удалиться на несколько шагов и милостиво принял подношение, после чего гнусаво мурлыкнув, так же неспешно убрался, скользнув в узкую щель. С тех пор серый разбойник время от времени посещал его, охотился за птицами, крал еду и этим хоть как-то разнообразил жизнь, не давая сойти с ума. Со временем стало казаться, что появления Шторма, как окрестил его Виктор, становятся предвестниками неких событий.

А ведь сегодня Шторм приходил, и наблюдал за его отчаянием, выражая презрение и недовольство. Мужчина припал лицом к разлому, в сотый раз, стараясь, разглядеть что-либо в глубине помещения.

- Чумные ветра, ну какой же я кретин! Так напугать ребенка... Интересно, зачем девочка залезла на самый верх? И потом, как? Уж не ослабла ли, случаем магическая защита? - он сел на бетон, расслабился, и сосредоточившись, погрузился вниманием внутрь. Как и обычно, никакого отклика, лишь пустота и невнятные шепоты.

- Ну что ж... Если кто-то смог проникнуть сюда, найдется способ мне выбраться отсюда. Не может не найтись!

Это событие требовало немедленных действий, чтобы не взорваться от вспыхнувших надежд. Подбежав к своему продуваемому ветрами логову - бетонному навесу, некогда служившему проходом на крышу с надежно запертой теперь, массивной металлической дверью, Виктор вытащил спрятанный в ворохе мусора, остро заточенный кусок арматуры, и с остервенением принялся скрести по краям разлома, пытаясь расширить щель, прекрасно осознавая всю бесполезность своих попыток.

- Вдруг она появится снова?! Боги Ветров, пусть она появится снова...

Взмокнув, и как всегда, не достигнув никаких результатов, он вернулся в логово и привалился к стене, прикрыв глаза. Мозг лихорадочно искал выход. Ему не выбраться, пока проклятая сфера отсекает его от Стихий. А всего-то нужно выйти за ее пределы и сконцентриро-

вать Силу. И не факт, что это получится сразу. Слишком долго он не ощущал магии, к тому же общее состояние тела оставляло желать лучшего. Выйти за пределы магического вакуума.... Если только снова решиться на почти состоявшийся безумный прыжок вниз, в надежде за считанные секунды успеть хоть как-то замедлить падение. Акт сумасшествия и отчаяния, без шансов на успех.

- Не дождетесь. Еще умоетесь кровавыми слезами за моих девочек...

Перед внутренним взором возникли дорогие лица жены и дочери, такие родные и прекрасные

- Боги, почему я не ценил этого тогда... Не видел, как мне повезло, не понял, пока не застрял на этой проклятой крыше. Все, все кто еще недавно искал моего внимания - плевали вслед. Все, кроме Валерии. После ареста, после преступлений, даже после измен, о которых, разумеется, доложили жене “доброжелатели”, она не отвернулась. Она, привыкшая к комфорту и лести, пыталась помочь. А могла найти более достойную партию по щелчку тонких пальцев... – боль и ощущение вины привычно захватили мысли.

Сразу после ареста, он был уверен, что жена сразу же найдет ему замену. И мысль эта почти его не волновала. Почти. Разве что болело в груди при воспоминании о дочери, еще слишком маленькой, чтобы долго помнить своего отца. Впрочем, поначалу Виктор был уверен, что сможет легко сбежать из своей тюрьмы.

Валерия всегда купалась во внимании мужчин, а статус жены кандидата на должность следующего Смотрителя придавал ей лишь больше шарма для рвущихся к власти наследников всех степеней родства и силы. Да что говорить – Виктор и сам начал навязчиво добиваться Валерии лишь после того, как на нее положил глаз «дорогой братец» Константинос. И по началу, обойти и вырвать добычу из-под его носа было единственным мотивом знаков внимания, оказываемых девушке. Которая, строго говоря, даже не была в его вкусе. Красива - да! Тонкая, воздушная фигура. Волосы прямые и переливчато-темные, словно редкий черный жемчуг, и огромные глаза, меняющие цвет от синего до темно серого, в зависимости от настроения. Но Виктор всегда предпочитал веселых блондинистых хохотушек, с которыми быстро находил общий язык к обоюдному удовольствию. А в жены присматривал кандидатку, чья семья увеличит его возможность стать если не Смотрителем, то человеком, влияющим на решения Совета Дома Ветров. Семья, которая поддержит при принятии этих самых решений. А там – кто знает, возможно появится шанс войти и в Совет всего Архипелага...

Валерия же казалась отстраненно неприступной. Слишком правильной. И семья из клана Австер, стоящая за ней, не отличалась ни богатством, ни нужным ему статусом. А он твердо намеревался побороться за место повыше.

Увидев же влюбленное и разом поглупевшее лицо кузена, не смог одолеть искушение и принялся навязчиво ухаживать за пассией брата. И сам не заметил, когда влюбился, и как. Она не реагировала на его шутки, так нравившиеся другим девушкам. Не понимала намеков, оставалась совершенно равнодушна к подаркам и знакам внимания, разрушая его схему соблазнения. И почему выбрала именно его, Виктор не понимал по сей день... Именно после заключения брака он твердо решил сделать все возможное, чтобы стать не абы кем, а Главным Смотрителем Дома Ветров.

До сих пор это место занимал его дед Георгиос Борей, но еще лет пять назад он отстранился от дел, чем позволил своим многочисленным потомкам грызться за лучшие места в иерархии Главного Маяка. Виктор, будучи одним из его внуков, мог надеяться если не на победу, то, по крайней мере, на хороший результат в этой гонке.

Его отец, второй из пяти сыновей старого Смотрителя, был бы безупречным кандидатом на эту должность. Даже имя получил в честь деда – Георгиос, Йоргос младший. Потомок Первого и по мужской, и по женской линии, он шутя играл потоками Силы. Кланы Борей и Евр считали его своим, поддерживали во всех политических играх. Именно ему год за годом предо-

ставлялась честь открыть традиционную сезонную охоту на китов-бродяг, от которой зависело пополнение и починка флотилии Дома Ветров. И рода пониже с благосклонностью смотрели на его кандидатуру, а моряки просто любили. Потому что интригам Сильных, отец предпочитал экспедиции к самым отдаленным точкам архипелага. Дед ворчал на сына, что такой образ жизни приличествует купцу, но не правителю. Однако, выделял из всех сыновей, будучи и сам бродягой по натуре. И что и говорить, тоже большим любителем нежного пола

Из одного путешествия в Вавилон, столицу всех четырех Домов архипелага, Йоргос младший привез третью жену - будущую мать Виктора, предоставив двору свою новую супругу Луцию. Это ввело в недоумение высокое общество – никому не известная и не знатная женщина. Дамы распускали слух, что новоявленная красавица – дорогая столичная куртизанка. Неприятеля отца – что не просто из простолюдинок, а, вообще, наполовину из Диких. Идеальная фигура, черные волосы, высокие скулы и слегка раскосые глаза приковывали внимание. У женщин ее появление вызвало банальную зависть, потому что все мужчины невольно задерживали взгляд на Луции. А уж бывших жен и любовниц отца, просто трясло от ревности, что лишь усугубилось рождением единственного сына. Во всех предыдущих браках, детей у Йоргоса младшего, не было.

Виктор не помнил матери. Он знал, что унаследовал от нее слегка раскосый разрез глаз и темные волосы, от отца - светлый серо-голубой цвет радужки и высокий рост. Говаривали, что совместная жизнь его родителей напоминала локальную войну с бурными ссорами и не менее бурными перемириями. Пока его мать была рядом, отец, вопреки обыкновению, не заглядывался ни на одну особу женского пола.

В один не слишком прекрасный день Луция исчезла, оставив мужа и маленького сына. Сплетники с удовольствием злословили, что она вернулась к старому образу жизни и нашла нового покровителя, влиятельнее и богаче. Ее исчезновение вогнало Георгиоса младшего в бурный гнев, а затем, после безуспешных поисков – в затяжную хандру, сопровождающуюся буйным пьянством, трактирными драками и погромами, ущерб за которые неизменно выплачивал дед. Впрочем, длилось это не слишком долго, и вскорости отец снова принялся бороздить моря Архипелага, изредка возвращаясь в свои покои на Главном Маяке и всегда интересуясь достижениями подрастающего сына.

Не удивительно, что с раннего детства от Виктора все ожидали свершений, соответствия статусу и Силы Ветра, не меньшей, чем у славных предков. С раннего детства его обучали умению копить и контролировать Силу, когда она придет. Вместо игр он учил историю Архипелага, теорию управления людьми, вождению больших и малых судов, теорию управления ветрами и плетения заклятий. И очень старался, в глубине души трясясь от страха не ощутить и не получить на Посвящении Дар, стать посмешищем и неудачником. Он не раз слышал про то, как молодые люди из самых сильных родов, войдя в возраст инициации, оказывались пустышками, не сумевшими найти контакт с магией. Их презирали, их высмеивали, их жалели.

Единственные по-настоящему счастливые моменты мальчик испытывал на загородной вилле, расположенной на небольшом острове, недалеко от столицы Дома, где никто, кроме прислуги, не обращал на него внимания, и где он был предоставлен сам себе.

И конечно, во время редких морских походов с отцом, на его огромной и удивительно послушной рулю Морской Красавице. Тогда мир Архипелага сверкал для Виктора яркими красками. Калейдоскопом сменялись волшебные сияния маяков Дома Огня и их города, даже днем расцветенные вереницами разноцветных огоньков. Журчащие ручьями, красующиеся вычурными фонтанами и полные зелени острова Дома Воды. И мощные, огромные, растущие из самих скал, окруженные садами и оплетенные виноградом, строения Дома Земли.

Но самыми интересным были их плавания к границам Архипелага. Туда, где острова были неприветливыми и редко заселенными. Люди, обитающие на них – суровыми и сильными,

изо всех сил держащимися за свои бесплодные клочки суши. А дальше, на самом горизонте высилась, клубилась в непрерывном движении, грозная Стена Ветров.

Когда случилось несчастье, он никак не мог поверить, принять страшную весть. Не могло его отца вот так просто не стать. Пропал в море. Только не он! Мальчик не понимал, о каком таком дурмане, к которому, якобы, пристрастился отец, поговаривают слуги и шепчутся обитатели Маяка. Виктор не желал поверить в его смерть, ожидая возвращения каждый час, день, месяц... Но время проходило, надежда таяла, и лишь упрямство не давало признать печальную правду.

На обучение в Серую Башню его отправили сразу же, когда возраст перевалил за восемь лет. Тогда-то и появилось соперничество и неприязнь с кузеном Константиносом, отпрыском старшего брата отца. Они были страшно похожи и характером, и воспитанием. Разве что, внешне являли противоположность друг друга. Виктор темноволос и светлоглаз, а Костас - блондин с карими глазами, то насмешливыми, то презрительными.

Почему и из-за чего возникло это соперничество, ответить не смог бы ни один. С первых дней они старались задеть один другого, пожестче и побольнее. И первый приступ ненависти он ощутил именно к Костасу.

Виктор зло передразнил кузена, стараясь унижить и вызвать смех у однокашников. А тот, при всех, назвал его мать куртизанкой и тут же разъярил столпившимся вокруг мальчишкам, что это значит. После чего Виктор ударил соперника наотмашь, и они сцепились в первой жестокой драке.

С тех пор, если один делал успехи, в чем бы то ни было, второй сразу же пытался переплюнуть конкурента. А если превзойти другого не получалось, то они оба старались свести достижения соперника на нет в глазах друзей, одноклассников, учителей и родни. У обоих появились болельщики и поклонники, друзья и враги. Впрочем, друзьями Виктор мог назвать лишь двоих – Оливера и Стефаноса, двух настолько не похожих парней, что было непонятно, как они находят общий язык. Лукавый, красноречивый Олли и не умеющий лгать, всегда невозмутимый и спокойный Стеф. Тем не менее их троица держалась вместе и друзья, не стовариваясь, признавали первенство Виктора.

У кузена Костаса была своя команда, казавшаяся тогда мерзкой и трусливой толпой прихлебателей. В то время он не понимал, что в своей вражде, они словно зеркало отражали друг друга....

Если брат делал какие-то успехи в постижении магической науки, Виктор днями и ночами тренировался только ради того, чтобы быть лучшим. Если Виктору удавалась какая-нибудь шутка, поднимающая статус в глазах учеников, Костас тут же придумывал что-то еще более остроумное. А уж коли кто-то из них проявлял интерес к какой-нибудь девочке... Тут начинались настоящие и далеко не рыцарские баталии. Казалось бы, это ребячество, эта глупость должны были поутихнуть после обретения Силы и выпуска из Серой башни. Но, не в их случае.

Возможно, время, общее происхождение и образ жизни помирили бы их, если бы не Валерия. Все предшествующие ее появлению ссоры из-за девочек едва ли серьезно задевали их самолюбие. Но увидев влюбленные глаза Константиноса, Виктор твердо решил отбить возлюбленную у двоюродного брата. Он и предположить не мог, во что выльется это решение. Сто раз Вик уводил очередную пассию у кузена, сто раз Костас возвращал ему той же монетой. Скажи кто-нибудь тогда, что он не просто отобьет, но и полюбит эту строгую девушку, Виктор бы не поверил. Но вышло все именно так. И Костас никогда этого не простил...

Виктор снова и снова, до самых мелких деталей, мысленно воспроизводил ее образ. А вот образ дочери ускользал, оставив лишь воспоминание о хрупкости и ощущении чуда. Его дочь. Его кровь. Его Анна.

Который раз мысленно Виктор просил у жены прощения, что так мало был с ними, так легкомысленно относился к семье. Что так и не сказал ей главного.

Они виделись последний раз, когда его только привезли из неудачного похода, и все окружающие смотрели на него, словно на зачумленную крысу. Как сумела Валерия добиться свидания с мужем, чем подкупила Совет, он не знал, и никак не ожидал такого ее поступка. Жена любила комфорт и спокойствие, а общение с ним могло сильно повредить репутации.

Она бросилась к нему на шею, не обращая внимание на стражей, прижалась, и прошептала на ухо, что будет бороться за них, за его свободу. Виктор же, как последний идиот, механическим голосом попросил забыть его и устроить свою жизнь, стараясь ничем не выдать эмоции, разрывающие изнутри. Тогда ему было важно не показать никому своей уязвимости и слабости. Валерия лишь печально поцеловала его в ответ, и прошептала в ухо: «Дурачок. Я буду тебя ждать.»

Несмотря на преступление мужа, Валерию оставили проживать в уютных покоях Главного маяка, не сильно изменив образ жизни. Возможно, дед Виктора вмешался, или позаботилась ее, пусть и не самая родовитая, но все же довольно влиятельная семья.

А после, когда Виктора заключили на вершине Серой Башни, жена присоединилась к еженедельным увеселительным морским прогулкам на лодках для знатных дам с их маленькими детьми. Отделившись от стаи разноцветных судов знати, каждый раз, их семейная прогулочная лодка, управляемая слугой, проходила под стенами Гнезда Ветров, чтобы Виктор хотя бы издали почувствовал их любовь. Валерия терпеть не могла развлечений такого рода

Эти прогулки целый год держали его в тонусе, заставляя думать, и думать, и снова думать, как вырваться с крыши, и куда податься дальше. Он строил и тут же отбрасывал планы побега, перебирал варианты бегства из Дома Ветров с семьей, бегства одному, чтобы однажды забрать их. Он старался следить за собой, на сколько позволяли обстоятельства, глядя на себя со стороны, как бы глазами жены, всегда идеально аккуратной и ухоженной. Он пережил первую, как на зло самую холодную за последние годы зиму, не разболевшись и не ослабев. Он был собран и готов к борьбе, ожидая своего шанса. Он верил, что этот шанс появится совсем скоро.

Так было до той самой, проклятой им, весны. Виктор помнил каждую минуту солнечного ветреного дня, разломившего его жизнь.

Он жадно высматривал стайку разноцветных судов, выискивая изящный силуэт их лодки среди медленно приближающейся маленькой флотилии. И узнав, неотрывно глядел, глупо и радостно улыбаясь, стараясь мыслями проникнуть на борт их семейного суденышка. Вот корпус слегка накренился, лодка отделилась от остальных корабликов и, несомая и охраняемая ручным потоком ветра, начала приближаться к Серой башне знакомым маршрутом. Вот она приблизилась настолько, что казалось, он видит фигурки жены и дочери, сидящих на застеленной коврами банке под легким кружевным зонтиком, и старого семейного слугу Валерии, имени которого он так и не удосужился запомнить, дремлющего на корме. Лодка легко без усилий преодолевала беспокойное море, хранимая заговоренным ветром.

Вдруг парус неожиданно накренился, кораблик подпрыгнул на появившейся ниоткуда крутой волне, и некоторое время, казалось, сопротивлялся неведомой силе, пытающийся вырвать контроль у прирученного ветра, толкающего его вперед. Виктор вцепился в края полуразрушенного бордюра, огораживающего крышу небоскреба. Сперва он не понял, что происходит. Только беспомощно смотрел, под нарастающие толчки сердца, бьющего набатом в ушах, глазах, отдающегося во всем теле.

И углядел Сеть магического плетения, обступающая и медленно оплетающая лодку, словно щупальцами вцепляющаяся в борт. Он не мог этого видеть, будучи отрезанным от Силы... Но увидел! Почти почувствовал...

Вихорь, мощный, злой, резкий, столкнулся с попутным ветром, высоко приподняв легкое суденышко над водой и резко обрушил его в волны. Парус неестественно завертелся, накрепился и рухнул в воду, вспенив набегающие валы.

Сердце разом замерло, оборвалось, дыхание сбилось, а разум завопил – Не-е-ет!!! Это не может быть! Этого не должно быть!!! Там же

Наверное, он кричал. А может быть, крик этот был беззвучным, рвавшим само его существо. Там внизу, барахтались в воде три крошечные фигурки, отброшенные ветром от спасительной, качающейся в волнах мачты и лодки, лежащей на боку. Может, он не видел, а лишь ощущал, как тают силы жены, старающейся не выпустить дочь из рук. Как старый слуга пытается помочь, продлить мгновения их жизни, как намокшие платья тянут вниз... Валерия не умела плавать. Плавание - уменье рыбацек и прачек. Так говорили в их кругах.

Он ни разу не отвернулся, не закрыл глаза, до конца, до слепоты вглядываясь в воду возле еще не затонувшей лодки, мертвой птицей, распластавшейся крылом-парусом в разном успокоившемся море.

Сидя в больничной комнате на мягкой кровати, гораздо удобнее той, в которой привыкла засыпать каждый день, Белка хмурила белесые брови, разглядывая узоры из мелких трещин на побеленных стенах и размышляла о призраке. Нет, она то точно знает, что не сумасшедшая, и что именно видела своими глазами. Ну да, соврала, что заигралась, дошла до этажа с провалом в шахту и там увидела чудовище. Духа. С глазами блюдцами и жуткими клыками. Не рассказывать же, в самом деле, о крыше – начнутся разговоры зачем да почему туда полезла, а там и до пера синей чайки дойдет. И прощай исполнение ее мечты. Совсем.

Пересказывать эту историю пришлось несколько раз, сперва наставницам, доктору, а потом вообще какому-то незнакомому дядечке. Каждый раз, воображение рисовало всё более страшную и четкую картину пребывания возле бездонного провала, так что после третьего раза Белка сама искренне верила в то, о чём говорила. А крышу, страшило с разинутой пастью и перо синей чайки память отодвинула куда-то в темный и дальний угол, и словно засыпала пылью.

Смешной толстенький доктор, с обрамляющими обширную лысину мелкими кудряшками и добрыми голубыми глазами, строго заметил, что чудовищ не существует. И выдумки про призрак Первого, всего лишь детские страшилки, потому что дух его забрал Отец всех ветров. И вообще, духам не место в Серой башне, нет их здесь и быть не может.

Доктор еще много чего наговорил, а, похоже, попросту наврал. Например, помянул, что у Каи какая-то инфлюэнца, да ещё и истерический психоз. Это он перед Селедкой с Лидией выпендривался, показывал, какой он важный и умный. А Белка всего-то лишь на сквозняке простыла и кашель подхватила. Ну и испугалась, конечно. А кто бы на ее месте не испугался?

Но, если честно признаться самой себе, пребывание в больнице Белке понравилось. Поначалу все бегали вокруг нее, стараясь угодить. Ей прямо в постель приносили еду, ни разу не лишив сладкого. Ей щупали лоб, и никто на нее не орал и не называл обидными именами. Кроме Катарина в лазарете никого не было, и всё внимание доставалось ей. Временами даже казалось, что эти взрослые по-настоящему беспокоятся.

Пока однажды поздно вечером, встав из постели, Кая не решила выйти из надоевшей комнаты и прогуляться на странно слабых ногах. Прогулка была недолгой, Белка успела лишь выйти в коридор и дойти до приоткрытой двери одной из комнат, из-за которой лился приглушенный свет. Только она собралась постучать и попросить воды, как услышала тихий разговор. Нет, она вовсе не собиралась подслушивать. Просто так получилось. Ослабевшие ноги отказывались идти назад, и пришлось прислониться к стене возле двери, чтоб немного передохнуть. Тут Катарина и услышала негромкие голоса, один из которых принадлежал, несомненно,

Селедке, а во втором, не сразу, но узнала лысого доктора. Сперва Белка решила уйти сразу, как немножко отдохнет, но услышав своё имя, наостригла уши.

Заговорила Селёдка, явно продолжая шедший разговор:

- Нет, ты только подумай! Я! Я, в которой течет кровь самого Первого, ну ладно, пусть немного, пусть мне не досталось Дара, но кровь эта всё же есть. Я ухаживаю за этой маленькой тварью. Фактически служу ей. Ей! Простолюдинке, с какого-то Силой забытого островка, непонятно как попавшей сюда! Эти капризные избалованные девчонки и так постоянно насмеются, строят пакости. Но они мне хотя бы ровня! А это переходит все границы! Она просто дикарка! Не слушается, не соблюдает никаких правил, и я должна терпеть эту дрянь, место которой на ферме морских коров! Жоржик, как же это унижительно! Клянусь, я добьюсь её перевода в приют!

- Ну, рыбонька моя, не беспокойся ты так. Ну, девчущка, как её, Катарина, действительно, несносна. Но так и перспектив у нее нет никаких. Лет пять, и отправится на какой-нибудь такой же глухой остров ближе к Кольцу. В лучшем случае. Иди лучше ко мне поближе, — послышалась какая-то возня и вздохи.

Катарина хихикнула, зажав рот. Жоржик... Ну ничего себе имечко. Белку не расстроило услышанное, уж во что-что, а в доброту Селедки она не верила никогда. Слегка удивилась, что та делает на больничном этаже так поздно и решила потихоньку вернуться назад.

- Жорж, ты меня совсем не слушаешь! Перестань! – снова возня, вздохи, хихиканье и стон.

Катарина на цыпочках направилась назад, сдерживая кашель, решив, что Селедке самой понадобилась врачебная помощь, иначе, с чего она так странно дышит. Лишь отойдя ближе к своей двери, Белка позволила себе раскашляться.

Мгновенно в соседней комнате воцарилась тишина, а затем в светлом проеме показалась грозная фигура наставницы, пылающая злобой.

- Что ты здесь делаешь, дряннушка?! Подглядываешь?! Ты пожалеешь об этом, клянусь!!! – зашипела она. В полумраке коридора лицо воспитательницы казалось темно красным, словно ее ужалила полосатая медуза, всегда прилизанные волосы топорщились в беспорядке, весь облик был страшен.

Катарина с ужасом уставилась на наставницу, не понимая, чем вызвала такой бурный гнев. Ну, услышала случайно ее жалобы. Так не первый же раз... Она ж не сказала ничего нового. Да и услышала совершенно случайно.

- Я не... Я не подглядывала! Я просто попить... У меня вода кончилась, — испуганно пролепетала она, отступая от надвигающейся с рукой, занесенной для пощёчины, Клавдии.

Словно очнувшись, та резко остановилась:

- Клянусь, ты пожалеешь об этом! – нормальным и совершенно холодным голосом повторила она и резко развернувшись, двинулась по коридору на выход с этажа, застегивая ворот платья и не удостоив расстроенную и растерянную Белку взглядом. Этот тон и холод в голосе испугали Каю больше, чем шипящие угрозы. Доктор же и вовсе не показался из-за двери.

С тех пор про Белку словно забыли. Нет, ей, конечно, всё так же приносили из кухни поесть, каждый день молчаливая служанка подметала пол и вытирала пыль, навещала воспитательница Лидия, иногда прослушивал и осматривал доктор, но никто не задерживался в ее палате, предоставив девочку самой себе.

Сперва ее это даже радовало. Не надо в сотый раз рассказывать, зачем она полезла наверх, что ее испугало, при этом не запутаться, и точно повторить то же, что придумала первый раз. Но одиночество и бездействие быстро наскучили. Сперва Белка развлекала себя, как могла. Тихо прокрадывалась в коридор и бродила, надеясь, что ещё кто-нибудь попадет сюда на лечение. Самой Белке строго-настрого запретили покидать этаж, и все прогулки ограничивались

скучным больничным коридором и редкими незакрытыми комнатами, пустыми и похожими одна на другую.

Как на зло, несмотря на холодную погоду, сквозняки и гуляющий ветер, никто не простужался. Несколько раз на этаже начиналась беготня, возбужденные разговоры, и лысый Жоржик спешил спуститься в школьные помещения, неся с собой врачебную сумку, но, вопреки надеждам Каи, всегда возвращался один.

Тогда Белка придумала себе новое развлечение. Кровать, в которую ее уложили лечиться и выздоравливать, не в пример тем, что находились в общих спальнях, была огромной. Можно было представлять, что это лодка, плывущая по бурному морю от одного острова к другому. Но самое замечательное – это кроватная сетка, на которой лежал удивительно упругий матрас. Если встать посередине и начать раскачиваться, а потом подпрыгнуть – матрас сам подбрасывал легкую фигурку в воздух, все выше и выше! После такого наставница Лидия, раз в день неизменно посещающая Белку, недоумевала и ворчала, как можно настолько измять простыню и одеяло.

И все-таки Белка страшно скучала. По Маргоше, по разговорам и толкотне, даже по ругани с Клариссой. И если бы двери больничного этажа не были заперты днём и ночью, обязательно спустилась бы к своей группе. Девочки, недавно такие противные и вредные стали казаться гораздо более милыми, занятия рукоделием, чтением, танцами и экономией уж и не такими досадными. В голову даже лезла мысль, не подняться ли снова на крышу башни, не сейчас, как-нибудь потом. И был ли вообще там призрак? Но память тут же услужливо предоставляла жуткую картинку бородатого оборванного чудовища с раскрытым ртом, пытающемся что-то проговорить, и, содрогаясь, Катарина оставляла эту идею, до следующего приступа хандры.

Она потеряла счет дням. Если бы сейчас кто-нибудь сказал ей, что прошло всего-то четыре дня с памятной встречи в коридоре с Селёдкой, не поверила бы.

Белка сидела на кровати, обхватив колени и мрачно раздумывала, что делать. Может, сбежать из палаты вниз, дождавшись, когда кто-нибудь забудет закрыть на ключ двери на лестницу. Конечно, ее сразу найдут и приведут назад. И ругать будут, это как пить дать. Но всё лучше сидения здесь, одной... Катарина всхлипнула. И Марго Подруга называется. Сама Белка бы уже сто раз навестила больную приятельницу.

Или, всё-таки, снова залезть наверх? В комнате Каи не было окон, поэтому, выбравшись в коридор, она часами смотрела на кусок моря и редкие корабли из узкого окошка в его конце. И вспоминала, каким огромным и бескрайним выглядел мир с вершины Гнезда Ветров. А ещё, несколько раз, в стае серо-белых соседок она, видела синюю чайку, летящую вверх...

Когда от скуки и жалости к себе Белка начала всхлипывать и потирать сухие ещё глаза, дверь дёрнулась, закрипела и на пороге показалась Лидия, заслонив собой весь дверной проём. Катарина оторвалась от саможаления и удивлённо уставилась на наставницу, зашедшую во внеурочный час.

- Вот, принимай гостью, – Лидия шумно вошла в Каину комнату, а из-за ее спины выглядывала Марго, собственной персоной. Непослушные кудряшки вылезали из затейливой косы, слегка тесное платье украшал изящный кружевной воротничок, глядя на который, Белка вспомнила свой, перекошенный с путанными рядами. Образ гостьи завершал какой-то сверток в руке, и скромно потупленный взгляд.

Лидия вышла на середину комнаты, сурово осмотрела смятую постель и одеяло, валяющееся на полу, и демонстративно вздохнула:

- Боги, Катарина... Как ты умудряешься создавать такой хаос?! Как я могу оставить вас одних, и не волноваться, что в следующий раз найду комнату, перевернутую вверх тормашками! – по-видимому, вопрос этот был риторическим, ибо мгновение спустя, старая наставница развернулась, и, покачивая боками, удалилась, всем своим видом выражая неодобрение и озабоченность.

Девочки молча проводили ее глазами, и лишь после того, как за воспитательницей закрылась дверь, с радостным визгом бросились друг к другу.

Марго сунула в руку Белки свёрток с куском пирога из столовой и обрушила на подругу целый поток рассказов и сплетен о жизни класса. О том, что Елени Воображалу наказали за повторяющиеся опоздания, и теперь она убирается в комнатах наследников, что красавицу Николетту застукали целующейся с одним из старших учеников, ну знаешь, таким прыщавым... А сам прыщавый не справился с открывшейся Силой и вверх дном перевернул класс, создав вихрь, но никто его за это не ругал. И что Кларисса стала ещё противнее и вредней, постоянно хвастается богатством своего папочки. И что Лидия с Селёдкой почти поругались, из-за нее, Белки. Селёдка грозилась сделать всё, чтобы отправить Катарину в Приют особенных, а Лидия сказала, что пока жив старый смотритель, не бывать тому, да и за что отправлять ребёнка туда...

- И вообще, чем ты так Селёдке насолила? Как слышит твоё имя - кривится, словно дохлую рыбу под нос сунули, – закончила Маргоша.

Белка глубоко вздохнула, и рассказала про неприятную историю со старшей наставницей и круглым Жоржиком.

- И вообще, не пойму, что она так взъелась на этот раз, — грустно закончила Кая.

- Ой, Белка, ну ты, прям, совсем как маленькая! – Марго важно скрестила руки на груди, — ты что, не понимаешь?

- Не-ет, — проблеяла Катарина.

- Да любовь у них. Любовь, — торжествующе важно изрекла подруга, — Они там целовались. А если их застукают, Лидия, там, или ещё кто, то попадет им похлеще, чем Николетте!

- Любовь?! Да ну, не похоже... У меня в книге про любовь совсем по-другому писали. Там прекрасные дамы и мореплаватели. Что-то Селёдка на прекрасную даму не тянет. Да и Жоржик уж точно не моряк. Разболелась она, точно тебе говорю! И стонала так жалобно.

Марго театрально вздохнула:

- Ну, Белочка, ну сколько тут живешь уже, а размышляешь, словно в жизни своего дикого угла не покидала. По-твоему, только в сказках любовь бывает? А как же наши мамы и папы?

С этим Катарина не могла не согласиться. Её-то папа был обычным рыбаком, но маму любил очень сильно, бабушка столько раз рассказывала.

- А тогда, что она злится? Ты б видела, как она шипела!

- Так нельзя им, запрещено! Они нам пример должны подавать, а не всё вот это!

Катарина грустно вздохнула. Теперь Селёдка точно будет отравлять ей жизнь. И угораздило же выйти из комнаты именно тогда...

- Ну, а ты? Нам сказали, что ты слонялась по верхним этажам, а там холодно, и ветер, вот и простудилась. А Лидия ещё помянула, что ты испугалась чего-то. Девчонки говорят, что призрака! Правда? Давай выкладывай! Ты зачем на верх полезла? Что там? Мальчишки лазили недавно, после тебя, их застукали и прогнали. Говорят, что вообще ничего занятного там нет. И страшного тоже. Ну?! – Марго с нетерпением уставилась на Катарину, села на кровать, и покосившись на пирог, добавила: - Ты, это, пирог ешь. Вкусный! И я немножечко отщипну, — отломив добрую половину гостинца, Маргарита начала с аппетитом жевать, и Белка последовала её примеру.

Она жевала и размышляла. Каю распирало желание рассказать хоть кому-то о своём приключении, о пути наверх, о магической решётке, Дымке и о жутком страшилище. Но Марго... Если что-то рассказать ей, считай будет знать весь класс, а этого почему-то совсем не хотелось, даже если не упоминать синюю чайку.

- Ну, видишь ли, я решила посмотреть на море сверху. Сверху, говорят, видны соседние острова, и Главный маяк, и Ветроград. Но на самом деле, в окнах с лестницы видно только море. И о-о-очень далеко. А корабли как игрушки. И острова вдальке, но их почти полностью скрывал туман. А стеклов там нет, пусто и ни души, только ветер воет. Жутко так – у-у-у-у! Но

это ерунда, а вот на самой лестнице, наверху, вот там – да-а... Там прямо в стене есть огромная дыра. Большая, свободно пролезть можно. Глубокая преглубокая. Темная-претемная. Дна не видно, и даже не было слышно, куда брошенный камень упал. Я туда заглянула, а там... – Кая сделала театральную паузу.

- Что там?! – Марго округлившимися глазами уставилась на подругу.

- А там непроглядная темнота, а из этой самой тьмы глаза светящиеся глядят. Как тарелки, такие здоровые. А за ними ничего, только тьма, и ещё зубы сверкают. Прямо под глазами. Острые, как иголки, — Белка почти шептала, — И голос, глухой, страшный: «Иди-и-и-сюда-а-а». А потом смех. Да жуткий такой. И опять голос: «Я всех заберу, кто придет сюда-а-а». Ну, я и бежать оттуда, — уже нормальным голосом закончила Кая с удовольствием наблюдая, как испуганно вытянулось лицо Марго.

- Так и сказал, всех заберу?!

- Ага, сказал.

- Ой, Белочка-а... Ты только опять туда идти не вздумай.... Ой, он же тебя видел.

- Видел, – спокойно заявила Белка, — И теперь будет охотиться за мной, — она поежилась, на секунду представив, что всё, что она придумала, правда. Бр-р-р. Впрочем, правда была не менее страшной.

На Марго рассказ произвёл впечатление, и чтобы как-то отвлечь подругу от переживаний, Белка залезла на середину кровати и показала, как здорово на ней прыгать. Марго сперва нерешительно и неуклюже, а после всё с большим азартом, присоединилась к забаве. На этом их и застукала Селедка, заглянув в комнату. Она переменялась в лице, и без слов удалилась. Девочки, замершие было и разом притихшие, дождались гневного хлопка двери, а потом дружно фыркнули и рассмеялись.

- Ну, всё. Теперь она и ко мне придирается начнёт – отсмеявшись, констатировала Марго, — Хорошо, что на следующей неделе устраивают большой отдых, всех учеников отпускают по домам. Небось, забудет. Это потому, что, говорят, старый Смотритель совсем плох. И кланы будут выбирать нового, пока старик ещё не того, ну ты поняла, чтобы он передал власть новому. Хоть его и так никто давным-давно не видел, — понизив голос добавила Марго, – Ладно, ты тут выздоравливай, а я пойду. Селедка, точно, за мной приходила. Лучше я сама вернусь.

Белка едва дождалась, когда наставница Лидия придет проверить, как поживает ее ученица, и обрушила на нее поток вопросов. Что за каникулы намечаются, отпустят ли ее на Ключевой, и успеет ли Ставрос получить письмо, и приехать за ней.

Лидия шумно вздохнула, повела глазами, а потом сочувственно произнесла:

- Нет, милочка, мы не оповещали твоих родственников, или кто они тебе, соседи?

Белка разочарованно кивнула, Лидия снова вздохнула.

- Так и думала. Соседей мы оповещать и не обязаны. И, сама понимаешь, пока весть дойдет, да пока они приплывут сюда... Нет, ты останешься здесь. В этой комнате. К слову, тебе будет разрешено выходить. Судя по всему, ты в состоянии спуститься до трапезной. В Башне останется обслуга, кто-то из воспитателей и те дети, кого, как и тебя не успеют забрать, – на лице старой наставницы читалось облегчение, что сама она не входит в число этих несчастных, — Но до тех пор, будь любезна, веди себя хорошо.

Катарина тяжело вздохнула. Перспективы открывались безрадостные. Она тут будет страдать. Одна одинешенька... А все разъедутся домой, к мамам, папам, бабушкам. Слезы сами навернулись на глаза. Эх, если бы удалось исполнить заветное желание....

Как она сюда попала? Эта девочка. А она была, и это не бред. Не даром он нашел тот клочок ткани.

Не прошло и пару дней с этого грандиозного для Виктора события, как на крыше появился его персональный надсмотрщик, проверяющий. Не очередная порция еды с водой,

возникшая словно ниоткуда, а сам, лично, в сопровождении всегда молчаливых охранников. Виктор давно понял, что бросаться, пытаясь взять заложником этого незнакомого ему, но по всему судя очень мощного мага, не имеет смысла. На того не действовал купол, что значит, основное плетение подавляющего заклятья делал именно он. Охрана, увешанная магическими амулетами, тут лишь для украшения. Впрочем, и охранники должно быть не последние маги в Службе охраны порядка.

Виктор сидел возле самого бетонного бордюра, и как обычно, проигнорировал появление мага, не шелохнувшись на звук открываемой двери. Только внутри на мгновение всё похолодело. Неужели девчонку поймали, застучали и теперь усиливают охрану? Неужели его надежды, что появление этого ребёнка что-то значит, что-то изменит, пошли прахом?!

«Расслабиться. Выбросить всё из головы. Впустить в себя пустоту, без мыслей и эмоций.» Выдох, и напряжение покинуло тело, биение сердца выровнялось. Виктор всегда гордился умением быстро погружаться в состояние пустоты. Чужое оценивающее внимание царапнуло край сознания неприятным едва приметным прикосновением. Но всё, что оно могло извлечь - картина бесконечного моря и вяло текущих по небу облаков. Виктор нарочито равнодушно скользнул взглядом по фигуре надсмотрщика, словно по пустому месту и отвернулся.

Постояв ещё с минуту, вслушиваясь в пространство и словно принохиваясь, проверяющий, обошёл крышу и нехотя удалился. Охранник, что поздоровее, поставил у входа корзину с едой и большую флягу с водой. Бесшумно захлопнулась дверь возле его логова, надежно отрезав от пути вниз.

Виктор оставался без мыслей и движения ещё долго, пока в реальность его не вернула боль в неудобно подвернутой затекшей ноге. Тогда он позволил себе пошевелиться. Страх и беспокойство заполнили мысли. Почему они появились здесь именно сейчас? Такая неожиданная проверка, и щедрая подачка в виде провизии. С чего? Девочка что-то рассказала?

Вспомнив о еде, он бросился к нагруженной корзине, выхватил из нее лепешку и жадно вцепился в неё зубами. Кто бы сказал раньше, что этот грубый солоноватый хлеб архипелага, сделанный из смолотых в муку высушенных водорослей и мелких плодов кустарника, буйно разросшегося на островах, еда черни, будет так вкусен. Утолив первый голод и сделав несколько глотков восхитительно чистой и прозрачной воды, Виктор усилием воли остановился. Чтобы не поддаваться усиливавшемуся беспокойству, снова вытащил из горы мусора спрятанную арматуру и подойдя к разлому, в который раз начал пытаться расширить его, не надеясь на хоть какой-то результат. Но, то ли заклятия, держащие в неизменном состоянии Серую башню, ослабли, то ли упорство и воля стали давать результаты, но Виктор почувствовал, что железный прут стесал небольшую неровность бетона.

Он потрясенно уставился на скол. Столько лет магические плетения держали Гнездо Ветров неизменным, не подвластным разрушениям. Да, внутри можно было что-то достроить, перегородить. Но не разрушить. Не бились оставшиеся окна, не расширялись многочисленные трещины. Даже осколки стекла, каким-то чудом не выпавшие из рам во время древней катастрофы, держались. И вот он сам, своими руками отколол кусочек бетона.

Это знак. Второй знак. Первым была та девочка. Которая поднялась, несмотря на запреты и паутину лёгких заклятий, лишаящих учащихся всякого интереса к верхним этажам. Он поймал себя, что дико смеётся, глядя в пустоту, и резко замолк. Он не безумец. И он выберется отсюда, теперь он это знает точно. И тогда А что тогда? Он никогда, с момента гибели семьи не задумывался об этом. Его никто не ждал, да и не осталось ни одного человека, ради которого стоило жить и бороться. Держало упрямство, ненависть и жаркое желание убраться из этой ловушки. И узнать, что или кто перевернул лодку... Теперь его обдало холодным потом – что дальше?!

- А дальше я повторю то, из-за чего попал сюда. И на сей раз у меня получится! – Виктор изогнул руку в неприличном жесте, направив его на лежащий внизу город, и Главный маяк, – На сей раз не остановлюсь.

Память услужливо вернула мысли в события давних дней, и к тому, что толкнуло его на безумную авантюру.

Если бы в детстве маленькому Виктору кто-нибудь задал вопрос, а чего ты хочешь добиться в жизни, кем станешь, когда подрастёшь, он не задумываясь выпалил бы – стану основателем нового клана и Дома! Но, то ли к несчастью, а может и к счастью, такого вопроса ему никто не задал, и не объяснил, что в наше время это невозможно. Архипелаг заселен и исследован до последнего островка, до последней скалы, и новых земель для основания клана просто не осталось. Уж что говорить об основании Дома! Каждая Стихия уже имеет по одному великому Дому и множеству кланов, кланчиков и семей. А мир за Стеной Ветров для жизни непригоден, Стена пожирает всякого, кто посмеет приблизиться к ней, и она же защищает от проникновения враждебных извращённых форм жизни в их мир, мир Порядка и Магии Стихий.

Он, как и каждый подросток из семьи, обладающий Силой, с детства знал историю заселения своего мира. О том, как Первый привел остатки умирающих людей на Архипелаг и как заключил первый договор с Ветром. О том, как уже его внуки, по примеру деда, научились сперва слушать, а потом и использовать все четыре Стихии – Воздух, Воду, Огонь и Землю. И как те внуки, обретшие невероятную мощь, начали враждовать, доказывая объединившимся вокруг них людям, кто из них сможет стать вождем. Вражда эта выросла в конфликт, чуть было не разразившейся войной. И всё могло закончиться плачевно для спасшихся людей, но всем четвёрём в ночь перед битвой, во сне пришел разгневанный дед, Первый, и строго-настрого приказал помириться и разойтись на четыре стороны со своими последователями. А чтобы ни один из внуков не заимел преимущества перед другими, дал наказ, чтобы ни один из них, и их потомков, не смел владеть более чем одной из Стихий, чтобы одни не могли существовать без других. И чтобы каждый из них воздвигал маяки, как символ открытых путей. Братья заключили мир, и каждый основал свой Дом. А когда подступила старость, четверо Великих магов вновь собрались вместе, чтобы воздвигнуть Стену Ветров, и навсегда прекратить набеги на Архипелаг похожих на монстров дикарей и отвести ядовитые туманы. Сплели заклятье, заставляющее ветры и морские течения бесконечно двигаться по кругу. И их вращение усиливало защиту, собирая и отдавая Архипелагу избыток Силы.

Дома росли и крепили, и когда место проживания становилось тесным, более амбициозные наследники Первых, призвав друзей и последователей, садились на корабли и отправлялись на еще не заселенные острова, ширя границы Дома и создавая новые кланы. И такой порядок существовал столетиями. Пока находились земли для освоения. И хотя теперь все пригодные острова были заселены, а Архипелаг исследован вдоль и поперёк, Виктор верил, что он рожден для великих дел.

Именно поэтому он не выбросил свою идею из головы сразу. Даже после града насмешек в свой адрес и став старше, начал задумываться – можно ли, и как осуществить свою цель. В походах по Архипелагу, в которые его брал с собой отец, мальчишка внимательно присматривался к открывающимся перед ними островам. Примерял, которые из них сделать своими будущими владениями.

Наверное, именно поэтому, на очередном собрании законных и не очень отпрысков Главного Смотрителя, дед обратил на амбициозного и не в меру бойкого внука благосклонный взгляд, а за ним и пристальное внимание.

О, сколько зависти и ревности это внимание вызвало у двоюродных, троюродных братьев и другой родни. А он, глупый, решил, что, действительно, отличается, и лучше их всех.

Посещения дедовой берлоги, его частных апартаментов, стали событиями в жизни Виктора. Но первый раз запомнился особо. Его, двенадцатилетнего мальчишку, сперва вели по бесконечным лестницам вверх, до просторной круговой террасы, служащей пристанью для воздушных судов – гордости Главного Маяка. Больше ни в одном месте, ни в одном Доме, лодки не взлетали ввысь, к самому шпилю, под облака.

У Виктора радостно забило сердце, когда слуга подвел его к белой ладье, очертаниями напоминающей лебедя, с гербом Дома Ветров на борту, в виде выходящих из круга стрел, направленных на четыре стороны света. Ожидающей его одного! Подъём на струях воздуха, направляемых Силой, не был для него новинкой. Но раньше это было на общих ладьях, больших и неуклюжих, для посещения зала приемов в честь какого-нибудь праздника, вместе с толпой родственников. И высокие борта закрывали почти весь обзор. Ладья деда была маленькой, с низкими бортиками, продуваемая со всех сторон и качающаяся при каждом движении. Но это только придавало остроты ощущению полёта, вызывающему распирающее чувство лёгкости и даже могущества.

На этот раз полет затянулся, подняв судно выше бального зала, на высоту, с которой острова Дома Ветров виделись словно на ладони, взгляд выхватывал сияющие пограничные островки Дома Огня, а если сильно напрячь глаза, то в далекой мгле, казалось, можно различить Стену Ветров.

На воздушном причале, перед покоями Смотрителя его никто не встретил. На секунду у Виктора закружилась голова от высоты, от пахнущего морем ветра, словно пытающегося столкнуть его вниз. Помявшись с полминуты, Виктор решительно выдохнул, толкнул дверь и пройдя коротким коридором с вытянутыми арочными окнами, шагнул внутрь дедова кабинета.

Сперва, после контраста с залитым солнцем морем, помещение показалось абсолютно тёмным, лишь играющие на стене отсветы лампы, мягко светящейся магическим огнём, обрисовывали силуэты мебели и вещей. Слегка привыкнув к полумраку, мальчик осмотрелся и задохнулся от удивления и восхищения. Обстановка кабинета была чудесной, просто волшебной. Виктор озирался по сторонам, рассматривая висящие на стенах картины – не гобелены с морской тематикой, не скульптуры из инкрустированной перламутром и вылизанной морем древесины плавника с недавних пор так популярные в богатых домах. А изображения в рамках, некоторые под стеклом, со странными сооружениями, невообразимо огромными деревьями, и какими-то уж совсем непонятными то ли повозками, то ли кораблями. Ему уже доводилось видеть артефакты давным-давно ушедшего легендарного мира, но не в таком количестве и не в такой разнообразии. Кроме картин, на стенах поблескивали и совсем невиданные предметы, о предназначении которых у Виктора даже не возникало догадок.

- Вижу, тебе нравится моя коллекция – слегка дребезжащий низкий голос заставил вздрогнуть и вспомнить, почему он здесь оказался. Виктор начал неуклюже изображать церемониальный поклон, ища глазами скрытую мраком фигуру Главного Смотрителя.

- Оставь дурацкие церемонии, мальчик. Я давно хотел познакомиться с тобой поближе. Подойди.

Виктор нерешительно пошел на голос, пытаясь разглядеть окутанную мраком фигуру, развалившуюся в огромном кресле в темном углу комнаты. Георгиос старший сидел, удобно облокотившись на высокую спинку, с иронией посверкивая светлыми глазами на внука, ноги правитель держал в тазу, из которого шел густой пар и запах ароматических трав. Он потянулся, словно огромный кот и приветственно кивнул. Внук застыл в недоумении, из-за контраста представшей перед ним картины и образа деда, засевшем в голове – всегда величавом, надменном и подавляющем всех своим присутствием.

Старик критично окинул взглядом фигуру своего потомка, пожевал губами, и продолжил:

— Значит, ты единственный потомок моего сына Йоргоса... Хм... Не похож. Больше в свою беспутную мать... Надеюсь, что ты унаследуешь хотя бы способности отца.

Виктор ощутил себя мелкой рыбёшкой, попавшей в лужу после отлива, внимательно рассматриваемой рыбаком на предмет – выловить ли ее для ухи, или выбросить в море, чтоб подросла. Между тем, старик продолжал, обращаясь больше к самому себе:

- Ну, что ж... одному подняться сюда на летающей ладье храбрости тебе хватило. Хватает и ума, чтобы не лезть с расспросами, расшаркиваниями и идиотскими комплиментами. Впрочем, возможно, это возраст... Ещё не научился. Садись и ответь мне на пару вопросов.

Виктор послушно занял неудобный высокий стул напротив старика и вздохнул. Приглашение, а точнее приказ явиться, который так радовал и заставлял гордиться, теперь показался не столь заманчивым.

- Я слышал, ты собираешься основать свой клан, и даже Дом? Это так? – ирония в словах и взгляде деда заставили густо покраснеть и начать злиться.

- Да, господин, – в голосе Виктора послышался неприкрытый вызов.

- Ай, оставь ты этих «господинов». Зови меня дедом. Дедом Йоргосом, – отмахнулся Смотритель, и снова изучающе уставился на внука, — А знаешь ли ты, что свободных островов давным-давно не осталось? Ну, если ты только не собираешься освоить какую-нибудь голую скалу, поселить на ней пару нищих рыбаков и управлять ими пока не надоест? Если до того не поумираете с голоду, конечно.

- Я не настолько глуп, чтобы не знать этого, господин. Я плавал с отцом почти по всему Архипелагу, — внутри у Виктора снова всё вспыхнуло от раздражения и обиды. Его не раз высмеивали за эту мечту, почти что такими же словами, но лишь разжигали упрямство и желание утереть нос всем насмешникам..

- А чем тебя не устраивает жизнь в Доме Ветров? Ты волен путешествовать по всему Архипелагу. Насколько знаю, мой сын при всей своей бестолковости сумел не потратить все имущество на баб, охоту и кости, и в средствах нуждаться ты не будешь. Сила, надеюсь, придёт. Чем тебе плоха такая жизнь?

Виктор задумался. Он и сам не мог объяснить себе, почему хочет отправиться к неисследованным землям, в неизвестность, рискуя сгинуть в море, как не раз случалось с путешественниками прошлого. Почему его манят легенды об освоении. Мир казался слишком предсказуемым. Пресным.

- Я не могу это объяснить, — после слегка затянувшейся паузы честно признался он, — Мне кажется, что Архипелаг стал каким-то тесным, что ничего здесь не происходит, всё как будто стоит на месте, — он никак не мог выразить того, что чувствовал.

- Да-а-а?! Значит, тебя не устраивает положение дел на целом Архипелаге. И ты решил их изменить. Для себя. Тогда, скажи мне, какие такие планы ты строишь и как собираешься их проводить в жизнь? Какие земли осваивать? Куда плыть? - глаза деда с любопытством и даже азартом буравили фигуру внука. Насмешка в его голосе заставляла злиться всё сильнее.

- Я придумал что-нибудь. Не сомневайтесь! Не может быть, чтобы в мире, кроме Архипелага больше ничего и нигде не было! Я найду новые острова! Даже если придётся пересечь Стену Ветров! – азартно выпалил Виктор, сам не поняв, откуда всплыла эта идея, табуированная не одним поколением магов, и резко замолчал, осознав, что услышь это его наставники, немедленно бы последовало наказание. Он втянул голову в плечи и с опаской покосился в сторону деда, ожидая всплеска возмущения, а то и хорошей оплеухи.

Однако странные кудахчущие звуки, исходящие от последнего, заставили его поднять глаза. Дед смеялся. Отсмеявшись и отдышавшись, вытерев глаза он вынес вердикт:

- Ну, что ж, Виктор. Пожалуй, мы продолжим с тобой знакомство. А сейчас возвращайся в Гнездо Ветров и учись. Учись лучше, это приказ. Мои потомки должны быть сильными. Ты слышал, самыми сильными магами! Позже я призову тебя ещё. И, думаю, не раз.

Старик сделал неуловимый жест руками, и мягкая, но непреодолимая сила подхватила, бесцеремонно вытолкнула Виктора из кабинета и усадила в поджидающую ладью.

За этим памятным, первым посещением деда последовали регулярные походы на верх Главного Маяка, и были они теперь куда как приятнее. И интереснее. Дед оказался великолепным рассказчиком, знатоком Архипелага, всех его кланов, обычаев, отношений и расстановки сил. А Виктор, с жадностью ловивший каждый дедов рассказ ощущал себя особенным, избранным, и очень гордился интересом к своей персоне. Огорчало его, разве, такое же внимание Главного Смотрителя к его извечному конкуренту – «дорогому кузену Константиносу».

Планы Виктора они больше никогда не обсуждали. Но подспудно, дед так или иначе подогревал интерес внука к миру за пределами Архипелага.

Чего стоил разговор, состоявшийся намного позже первой встречи. Тогда Виктор уже завершил обучение в Гнезде Ветров и получил посвящение в Стихию Воздуха. Не без помощи того же деда, не позволившему внуку впасть в отчаяние после первого провального испытания. Как всегда, жестко и иронично, приказал тренироваться и не распускать сопли. Но подсластил это неожиданным подарком. И каким! Показал расклеившемуся тогда мальчишке свое тайное место – пяточок земли у кромки моря, возле самого подножья Серой Башни. Крохотный кусок пляжа под береговым обрывом, спрятанный от посторонних взглядов нависшей скалой и старым мороком. Место, где он мог побыть в полном одиночестве, где тренировался со злостью и упрямством.

Но в ту встречу всё уже было позади. Ветер принял его, общество было благосклонно, девушки засматривались то ли на внешность, то ли на статус. В дни, когда не пропадал на обязательной сторожевой службе, гоняясь за контрабандистами всех мастей, или на соседних островах в поисках веселого времяпровождения, Виктор проживал в Главном Маяке, стараясь завести как можно больше полезных знакомств. Тогда-то дед снова вызвал его к себе. И это было неожиданно, поскольку Виктор давно не нуждался в приглашении для общения с Георгиосом и посещал его сам. Решив, что деда начинает мучить старческое одиночество, он поспешил к Главному Смотрителю.

Усмехнулся про себя и поклонился, услышав:

- Ты давно не посещал старика. Что, уже не интересно общаться с дедом? Думаешь, он выжил из ума и потерял вес в нашем крысятнике? Ладно, ладно, не оправдывайся. Знаю, что гоняешься за всеми доступными юбками Архипелага. Весь в своего папашу, — в последней фразе послышалось больше одобрение, чем укор.

Виктор поспешил пламенно уверить, что любимый дед не может ему наскучить никак, даже в теории.

- Ну, тогда сядь, послушай своего старенького дедушку. А то уж и поговорить не с кем, совсем уважение потеряли. Эх, перестали меня бояться, перестали... Вот только и могу приказывать, чтоб родной внук выслушал стариковское брюзжание.

Виктор подавил улыбку. Вся эта прелюдия была частью игры, забавлявшей старика. Его слово по-прежнему было решающим, и никто из членов совета не смел ему противоречить. Само приглашения посетить Смотрителя, все еще считалось делом престижа.

Сев на тот же памятный жёсткий стул - еще одна стариковская причуда, который своих отпрысков принимал исключительно в темном, захламленном кабинете, усадив на самый неудобный из всех стульев, Виктор почтительно наклонил голову и приготовился слушать.

- А скажи-ка ты мне, дорогой мой внук, не кажется ли тебе странным, что никто до сих пор не решился пересечь Стену Ветров?

Виктору этот факт всегда казался чудным. Да, когда-то давным-давно, за пределами Кольца творился ужас и смерть, приносимые страшными болезнями и голодом. Но ведь прошли столетия с тех пор. Те легендарные чудовища, периодически нападавшие на Архипелаг, пока путь им не был окончательно закрыт, были отнюдь не бессмертными. И жители островов

их рано или поздно уничтожали. Жизнь за Стеной, какой бы опасной она не была – существовала. Почему же так строг этот запрет?

Высказав деду свои сомнения, Виктор превратился в слух, зная, что за вопросом последует прелюбопытный рассказ. И не ошибся.

- Ну, во-первых, попытки выйти за Стену были. И не раз. Как-нибудь я расскажу тебе про одну. Очень подробно, но потом. Ты же знаешь, Стена Ветров в постоянном движении. Те, кто ставил её, были великими магами. Стена тянет на себя Силу из окружающего пространства, стягивая ее внутрь кольца, на Архипелаг. Поэтому мы легко овладели силами Стихий, считая это чисто своей заслугой – дед хихикнул и почесав бороду продолжил, — Сперва это позволило нам выжить, потом освоить острова, возвести Маяки, города. Размножиться. А сила продолжает накачивать наш мир. Мы украшаем поселения. Каждое мало-мальски мощное семейство старается переплюнуть остальные в возведении дворцов и башен. Представь, как будут выглядеть города, если все мороки и иллюзии спадут. Сложно? Вот и мне. Ну так, о чём я? Ах, да, Стена. По началу, Стену пытались пересечь в поисках других земель или чего там было на уме у этих авантюристов. На свой страх и риск. Но с каждым столетием число желающих сокращалось. Слишком мало кому удавалось вернуться. А кому удавалось, те не сохраняли разум, неся нечто об ужасах, поджидающих внутри. Про неминуемую смерть, про то, что духи погибших питают стражей Стены. А ныне даже таких свидетелей не осталось. Никто не решается выйти за пределы Кольца ветров, — дед умолк, многозначительно глядя на внука.

- Прямо таки никто? Значит, пути наружу нет. Архипелаг перенаселен, а Силу становится некуда девать. Веселые перспективы... И неужели ни один человек не сохранил разум, пройдя сквозь Стену? Прямо, совсем никто?! Ни туда, ни оттуда?

Дед довольно ощерился:

- Правильный вопрос. Видишь ли, нет никого, кто мог бы свидетельствовать об этом перед Советом.

- А что, есть кто-то, кто не может быть свидетелем, но при этом побывал там?

- Именно. Ну, во-первых, давно ходят слухи, что Дикие на своих лодках раньше регулярно пересекали Кольцо ветров. Но кто воспринимает всерьёз их байки? Рассказы о жизни за Стеной, до икоты пугают обывателей, и отлично выуживают из кошельков мелочь, – старик умолк, и казалось, погрузился в себя, забыв о присутствии внука.

- Однажды со мной произошёл такой случай... – неожиданно продолжил он, — Будучи молодым мужчиной, твоего где-то возраста, я нес стражу у самой Стены – дело чисто формальное, уже тогда никого не тянуло на самоубийство. Тогда молодые люди ещё занимались делами, служили своему Дому, в отличие от теперешних бездельников, — старик неодобрительно зыркнул на Виктора и глубоко вздохнув, продолжил:

- На островке возле самой границы, куда я с Томасом, путеводителем и кормчим нашей команды, заплыли на шлюпке пополнить запас воды, нас встретил крайне возбужденный рыбак, и потащил в свою лачугу, рассказывая, что выловил из моря странного, потерпевшего крушение, человека. В грязной хибаре, сложенной из камней, на голом топчане лежал мужчина, в целом, ничем не отличающийся от жителя Архипелага. Разве что одежда его была странной. Он умирал. Всё время, проведенное в хижине, он бредил на незнакомом языке. А когда подошли мы, очнулся, сорвал со своей шеи кулон и сунул его в руки рыбака. Наверное, в благодарность. Тот, бедняга, был так напуган, что понес кулон из дома, чтобы выбросить в море, считая, что вещь эта принесет несчастья. Но я забрал его, дав жемчужину взамен. Видел бы ты, как тряслись его руки... Но самое интересное – это лодка незнакомца. Да, лодка оказалась особо любопытной. Она была сделана из дерева. Не из досок, нет. Из одного единого куска дерева, ствола. Выдолблена. Целиком. И лодка, скажу я тебе, была не маленькой...

- Из одного ствола?! Разве где-то бывают такие деревья? – Виктора захватил рассказ старика, но лодку такой конструкции он вообразить он не мог.

- Где-то, значит, бывают, — усмехнулся дед, — но это ещё не всё. В лодке лежали железные инструменты. Не из старых времен, а новенькие, мало использованные. А в деревянном, пропитанном какой-то смолой футляре лежала карта. Карта, на которой мы узнали Стену Ветров и линия, очерчивающая дугу пересекающую Стену в двух местах. Её нашёл мой товарищ, Кормчий. Жаль, часть ее была испорчена водой. Та что должна была показывать мир за Кольцом...

- Ты видел ту карту?! Она у тебя сохранилась? Начерченная дуга - это значит, одна точка входа, а другая выхода? Я правильно понял?! Дед, покажи мне её!!

- Ишь, разошелся... Мы послали почтового голубя на Маяк, сообщив о находке, через пару дней приплыла Охрана мира, и все увезла с собой. Даже тело незнакомца. Всё, кроме этого, — старик нарочито кряхтя слез с высокого кресла, подошёл к столу, отворил шкатулку из обточенной красной раковины и вытащил кулон из почерневшего серебра.

- Смотри, любуйся.

Виктор дрожащими руками ухватился за странную серебряную фигурку, изображавшую неведанного зверя с вытянутой шеей и странными рогами, украшенную бубенчиками вместо ног и зачарованно уставился на неё.

- Забирай эту цацку себе. Вижу, что нравится, — проворчал старик, буравя внука испытующим взглядом, — А у меня ещё своих дел полно. Ступай. Мы ещё поговорим.

Из воспоминаний Виктора выдернул резкий крик чайки, летящей на место гнездовья в одну из двух развалившихся построек на самой крыше, служивших его далеким создателям то ли выходами на верх, то ли техническими сооружениями. В стенах одной из них спал Виктор, кое-как из обломков камня и потерявшего облик мусора соорудив себе заслон от ветра и дождя. Люк входа в другое строение на крыше Башни, представляющее собой высокую полу обрушенную стену с бетонными обломками у подножья, заселенную чайками и крачками, был наглухо запаян. В первый год, не привыкшие пугаться, птицы, вплотную подпускали его к своим гнездам, давая возможность отнять снесенные яйца. Но слишком быстро поумнели, и убрались с гнездовья. Кроме оставшейся пары чаек, злобно орущих на него с самого верха стены, куда залезть так и не удалось. Они пресекали любые поползновения на свою территорию дикими воплями и атаками сверху. Виктор и сам был рад, что, вопреки голоду, не может добраться до их яиц и птенцов. С весны и до поздней осени наблюдение за птицами вносило какое-то разнообразие в его жизнь.

Вздыхнув, он критически оглядел свои невольные владения. Мысль, что неизвестная девочка может снова появиться здесь, заставила сперва задуматься о том, что может ее напугать, или оттолкнуть, а затем навести порядок в месте своего заключения. Но вот привести в порядок себя оказалось куда как сложнее. Одежда выглядела тряпьем, на которое не позарился бы и последний бродяга, даже подсевший на дурман, навевающий цветные сны и лишаящий воли. Волосы спутались и выгорели из чёрного в какой-то неопределённый грязный цвет, а половина лица заросла длинной, раздражающей бородой.

После многократных усилий, Виктору удалось разделить волосы в три пряди и соорудить что-то вроде косы и хоть как-то пригладить бороду пятерней. И теперь он старался поддерживать это состояние.

Сперва он хотел устроить засаду возле разлома, схватить, удержать и вытащить на поверхность непонятно как забредшего сюда ребёнка. Но тут же отбросил эту идею. Во-первых, придётся постоянно дежурить возле щели. Во-вторых, схватить и вытащить – легко лишь в теории. Ну а главное – он напугает её так, что на крышу девочка не вернётся уже никогда (если вовсе появится снова, поправил он себя). А ему нужен союзник. Союзник, о котором никто не знает. Пусть это будет и маленькая девочка.

Поэтому место своей стражи он расположил так, чтобы полностью видеть разлом, при этом находясь довольно далеко, создавая иллюзию безопасного расстояния. Теперь большую

часть своего времени он проводил сидя на импровизированной скамье из обломков цементных блоков и снова и снова думал, как выйти из зоны магической беспомощности.

Если бы крыша Гнезда Ветров не нависала козырьком над стенами башни, Виктор рискнул бы спуститься к ближайшим окнам верхнего этажа, теперь он знал, что этот этаж внизу безопасен. Оставалось лишь сожалеть о невозможности такой попытки. Ну что ж, он что-нибудь придумает. Времени у него много. Он занял свой наблюдательный пункт, чтобы ждать.

Гнездо Ветров опустело. Белке казалось, что разъехались все. Однокашницы, наставницы. Даже Жоржик, обязанный находиться в лазарете и оставшаяся прислуга большую часть времени проводили в городе. Бродя по опустевшим коридорам, Катарина умирала от скуки. Нет, не так должны проходить каникулы. Она попыталась было примкнуть к небольшой группке оставшихся в Гнезде Ветров детей, но те шипели, словно застигнутые на гнездовые гуси, и гнали назойливую малявку прочь. В опустевшей общей спальне гуляли сквозняки и было непривычно тихо и уныло. Веселые и всегда любезные поварахи, хоть и не прогоняли ее из кухни, но и общаться решительно не желали. Чтобы отвязаться от Каиных попыток завести разговор, молодая симпатичная работница вручила девочке аппетитный кусок рыбного пирога и выставила за дверь трапезной.

После недавнего обеда есть не хотелось, и куснув пару раз пирог, Белка решила вернуться на больничный этаж. Она попрыгала на пружинистом матрасе, заглянула в соседние комнаты, покричала, слушая гулкое эхо в коридоре, поглядела на вид из окна, и в конце концов села на своей кровати, подперев ладонями голову.

- Нужно что-то придумать, — сказала она сама себе, — А то так и умереть можно от скуки. По-настоящему. Вот вернуться Лидия с Селёдкой, а я такая вся мёртвая лежу. Одна одинешенька, — от этой воображаемой картины навернулись слёзы, Кая шмыгнула носом, но уже в следующий миг соскочила с кровати.

- Нетушки! — сердито одернула она себя, — Я и без них обойдусь, очень надо! А что, если... — память услужливо подбросила картину, где ей в лицо бьет ветер из самых высоких проёмов окон, далеко-далеко внизу встают белые пики крыш Ветрограда, и на волнах колышутся крохотные кораблики. А мимо пролетает белая птица с синими кончиками крыльев.

- А что, если опять туда подняться. Только до зала с птицами, дальше я не полезу. Просто посмотрю и назад, — проговорив это вслух, Белка почувствовала облегчение, словно какая-то тяжесть исчезла, дав импульс к действию.

Она хотела осуществить этот план сразу же, но взглянув на стущающиеся вечерние тени, решила отложить поход до завтра, на сей раз подготовившись к нему как следует.

Не успел серый мартовский рассвет разогнать туман и высветить шпили Ветрограда, как Катарина вскочила с кровати, вихрем слетела по ступенькам на спальный этаж, и из своего мешка достала сшитую бабушкой тунику, единственную, которую ей дозволили оставить в Гнезде Ветров. Погладив искусную вышивку, Белка скинула синее форменное платье и с удовольствием натянула тунику и рейтузы. Немного тесные, но удобные.

Вернувшись в лазарет, она первым делом завернула в салфетку вчерашний кусок пирога, потом напилась «про запас», и выйдя на лестницу, устремилась вверх знакомым маршрутом.

На сей раз Кая не спешила и давала себе отдыхать. После болезни дыхание быстро сбивалось. Путь наверх казался всё таким же бесконечным и скучным.

Первая неожиданность подстерегала на этаже, на котором, как Кая была уверена, должна была показаться дыра в чёрную пустоту. Выход на очередной лестничный пролёт перегораживала мелкая сеть, сплетённая из редкой, но очень прочной железной лозы, с решетчатой дверью, запертой то ли каким-то хитроумным замком, то ли удерживающим заклетьем.

Катарина чуть не врзалась в нее, разогнавшись на этом участке подъёма. От неожиданности она даже взвизгнула, памятуя магическую решетку наверху. Зажмурившись и вытянув

палец, она прикоснулась к сетке, тут же отдернув руку. Сеть была самой обыкновенной, и Катарина с облегчением выдохнула.

Она внимательно оглядела препятствие. Решетка плотно прилегала к стенам коридора. Белка легла на пол и попыталась протиснуться снизу. Зазор оказался слишком узким даже для неё. А вот, под самым потолком, он выглядел шире, значительно шире.

Катарина запустила пальцы в сетку и подтянулась на руках. Ловко перебирая руками и ногами, она добралась до верха и перевалила через край преграды. Соскочив вниз, Белка довольно ухмыльнулась. Разве какая-то решетка может остановить ту, что добиралась до самых недоступных гнезд на Ключевом?! Не зря же соседские мальчишки всегда брали её с собой на поиски яиц. Бабушка и не догадывалась, куда залезла её внучка. А если бы узнала – надрала бы уши. Кая вздохнула. Сейчас она согласилась бы и на это, лишь бы бабушка была рядом.... Ещё раз вздохнув, Белка двинулась дальше.

Следующей неожиданностью было отсутствие чёрной дыры. То есть, место это было, но вместо зияющего мраком проёма, Кая обнаружила свежую кладку из камней и обломков бетона.

— Вот и хорошо! Теперь ничего не выскочит из-за спины, – вслух произнесла девочка, и эхо гулко разнеслось в коридоре. Белка вздрогнула и на всякий случай поспешила убраться от этого места подальше.

Дальнейший подъём не преподнес никаких сюрпризов, и, наконец, Катарина вышла туда, куда планировала - на самый верх Гнезда Ветров, в зал с колоннами и окнами с давно осыпавшимися стёклами. Как и прошлый раз, целая стая птиц, галдя и хлопая крыльями снялась с места. Сейчас их стало больше, к голубям прибавились чайки и крачки, возвратившиеся на гнездовье. Сухой до хруста помёт, копившийся десятками лет, покрывал пол и Белка старалась ступать там, где почище. Ее снова захватил вид, открывающийся внизу. Бесконечное, огромное море, просыпающийся город, и игла Главного маяка, светящаяся белым светом в любую погоду.

Она несколько раз обошла этот огромный пустой зал, выглянула во все окна и обнаружила, что каждый раз возвращается к узкому проходу, ведущему дальше наверх.

- Ну хорошо, — обратилась она к вопящим птицам, — я уйду отсюда. Синие чайки не селятся вместе с другими, а вы мне не интересны, я вам ничего дурного не собираюсь делать. И яйца ваши мне не нужны.

Белка сама не поняла, как поднялась по боковой лестнице до последней площадки с массивной, защищенной магической решеткой дверью. Внутри всё зудело от любопытства, страха и желания ещё раз взглянуть на того, кто обитает на крыше.

- Я только гляну. Одним глазом. И сразу назад, если там есть он.... А если нет... — Она живо представила себе перо синей чайки, как бросает его в костёр, разведенный наверху, как оно вспыхивает ярко – ярко. А потом.... Как будет потом, Катарина представляла плохо. Главное, это потом было радостным и волшебным. Взяв узелок с пирогом в зубы, чтобы не мешал рукам, девочка перелезла через знакомый подоконник и начала пробираться к окну чердачной комнаты. На сей раз путь дался гораздо легче, а вот то, что ждало вверху пугало страшно, одновременно подогревая желание посмотреть, что же там такое. Достигнув тёмного помещения с полуразрушенной стеной, она отдышалась и стараясь не шуметь и даже не дышать полезла к щели, выходящей наружу.

Ухватившись кончиками пальцев за край расколотой плиты, очень медленно, Белка высунулась над щелью настолько, чтобы увидеть крышу Гнезда Ветров. Ветер бросил прядь волос в лицо, и она часто заморгала. Когда взгляд наконец сфокусировался, сердце сжалось и вздрогнуло. Он был там... Сидел на куске развороченного бетона возле самого края крыши. Старик? Пожалуй нет. Но всё равно старый. Волосы, заплетенные в косу трепал ветер, а бородатое лицо пряталось во что-то меховое?.. «Да это же Дымок!», — поразилась Кая. Их кот, злощий, не

ластящийся ни к кому, даже добрым поварихам, и норовящий цапнуть любую протянутую к нему руку.

Дымок сидел на коленях у незнакомца и терся бархатной головой о его лицо и бороду! При этом кот мурчал так громко, что басовитые «мр-р-р» долетали и до Каи. Девочка зачарованно глядела на то, как мужчина чешет кота сперва за ухом, потом по животу, а тот - ничего! Только жмурится от удовольствия. И сейчас этот человек... Он не был уж таким жутким. Он что-то тихо говорил Дымку и улыбался. А потом повернул к Кае голову и негромко произнёс:

- Здравствуй! Я тебя вижу, – он снова улыбнулся и Белка поняла, что лицо его вовсе не страшное. Ну, почти. А незнакомец, не двинувшись с места, продолжил: - Знакомься, это мой друг, кот. Я зову его Штормом. А я – Виктор. Если хочешь, можешь Шторма погладить. Он не будет против. Ведь правда? – обратился он к коту. Тот снова муркнул и уткнулся мордой в лицо мужчины.

При звуках его голоса, Катарина было дёрнулась спрятаться назад, вглубь щели, но человек сидел совершенно спокойно и почти неподвижно. Девочка протиснулась наружу до уровня плеч и ответила:

- Вообще-то, его зовут Дымок. И это наш кот. Ну, то есть всех, кто живёт в Гнезде Ветров.

Глава третья

Он так ждал и надеялся на её возвращение. Но, когда эта девочка, это чудо, появилась вновь - чуть было не проворонил её приход. Виною тому был Шторм. Кот снова возник словно из ниоткуда и подбежал к Виктору в самом дружественном расположении, просясь на руки. Это было неожиданно и приятно. Шторм ласкался, терся головой о лицо и бороду, а Виктор гладил его с благодарностью, погрузив пальцы в мягкую серую шерсть и ощущал живое тепло. И не придавал никакого значения птичьему переполоху, начавшемуся этажом ниже, решив, что это последствия охоты Шторма.

Поэтому, торчащая из разлома макушка с развевающимися от ветра русыми прядями волос и сверкающие испуганные глаза заставили его замереть, боясь спугнуть удачу. Лишь кот продолжал топтаться на его коленях и громко утробно мурлыкать. Мелькнула мысль, что раньше за ним такого дружелюбия не наблюдалось. Мелькнула и пропала, а сам Виктор, затаив дыхание взглянул в эти любопытные серые глаза. Хотелось вскочить, заорать от радости. Но вместо этого, он сдержанно улыбнулся и произнёс:

- Здравствуй! Я тебя вижу! – сердце замерло в ожидании реакции ребёнка. Он чувствовал её страх и напряжение, готовность мгновенно шмыгнуть назад, чтобы уже не вернуться никогда. И тут вмешался Шторм, который сперва по-кошачьи презрительно взглянул на Виктора и испуганную девочку, а после ещё более настойчиво боднул его головой, требуя ласки, и замурчал с удвоенной силой. Серые глаза слегка приподнялись над щелью, показался маленький нос и худые щёки.

- Знакомься, это мой друг кот. Я зову его Шторм, — он говорил тихим голосом, в мыслях молясь всем ветрам, чтобы только не оттолкнуть от себя этого непонятно как очутившегося в его тюрьме ребёнка.

Девочка высунулась по плечи, и Виктор с удивлением увидел, что одета она в простую рыбацкую тунику из выделанной рыбьей кожи, такие носились лишь на самых отдалённых островах Архипелага. Простой раз на ней было платье. Синее форменное платье.

- Вообще-то, его зовут Дымок – звонкий детский голос расколол привычные звуки ветра и птичий гвалт, — И это наш кот.

Она была маленькой лет семи от силы. Виктор не мог припомнить, чтобы во времена его ученичества принимали в таком юном возрасте. И ещё эта девочка не была красивой. Совсем. Даже большие серые, с рыжим ободком глаза не красили заостренные черты лица, скорее, делали его забавным, словно сквозь человеческую личину на свет выглядывал настороженный зверёк.

Испокон веков повелось, что девочек, обучающихся в Серой башне, готовили в подружки и фаворитки для влиятельных лиц Дома, и отбирались они по силе семей и красоте, чтобы уже их дети наследовали и то, и другое. По красоте... Не зря дед твердил, что всё рушится и деградирует. Он то всегда считал это стариковским ворчанием. А вот его Анна была бы совершенной, она обещала вырасти в настоящую красавицу, как её мать... Только он никогда не отпустил бы её в Гнездо Ветров. Виктор усилием воли подавил болезненное воспоминание.

Он уставился на девочку, не понимая, как вести себя дальше. Он, вдруг, отчётливо осознал, что никогда в жизни, будучи взрослым, не общался с детьми. А девочка с интересом рассматривала его. И по лицу было видно, что Виктор произвёл на неё совсем не лестное впечатление. Наконец, она прервала затянувшуюся паузу:

- А что ты тут делаешь? Ты кто?

Этот простой вопрос ввёл Виктора в ступор. Что ответить? «Я здесь живу» или «Знаешь, я опасный преступник»?!

- Я здесь, как бы сказать... Однажды, я нарушил важные правила, и за это меня наказали. Отправили жить сюда. Одного. Надолго, — сказал он и подумал: «Боже, что я несу... Как вообще разговаривать с маленькими девочками?!»

К удивлению, это объяснение ее вполне устроило.

- Меня тоже часто наказывают, — горестно вздохнула она, — И никто не хочет дружить. Девчушка подтянулась и выскользнула из щели, сев на ее край, всё ещё с опаской глядя на взрослого странного человека, каким он, несомненно был в её глазах.

- А меня зовут Белка. Ну, то есть я Катарина. Но все меня Белкой зовут, — девочка снова вздохнула.

- А меня в детстве Дельфином звали, — улыбнулся Виктор, — А потом, постарше, Командором.

- Дельфином...- девочка нахмурила белесые брови - Дельфин мне нравится, а то второе нет.

Виктор усмехнулся. Сам он в детстве терпеть не мог это прозвище, считая слишком сладким и совершенно несоответствующим его понятию о том, как должны звать “настоящего мужчину”. Но чуть повзрослев, оценил. Девчонкам оно нравилось.

- Тогда, можешь меня звать Дельфином. Или Виктором. Как тебе удобней. Вот, Шторм хочет познакомиться с тобой, – Виктор мягко подтолкнул кота к Белке.

На секунду девочка нырнула вглубь щели, заставив желудок сжаться от страха, но мгновением позже вынырнула из разлома, и выбралась на крышу уже целиком, сжимая в руке узелок, который тут же развернула и отломив, протянула Шторму кусок пирога. Кот не спеша приблизился и начал есть, позволяя себя гладить. Виктор сглотнул, кот с урчанием выбирал из теста начинку, а Белка с упоением гладила хвостатого бандита по спине. Наконец, насытившись, Шторм, неспешно отошел в сторону и начал вылизываться, а девочка подняла взгляд на Виктора:

- Хочешь пирог? Тут ещё много осталось

И надо бы было сказать, что нет, спасибо, я сыт, как требовали с детства вдолбленные правила этикета. Но он лишь молча кивнул, а Белка, взяв в руки салфетку с пирогом направилась к Виктору, и не дойдя несколько шагов, положила сверток на землю, вновь отступив поближе к спасательной щели.

- Спасибо! – искренне поблагодарил Виктор, и взяв кусок пирога, вдохнул запах выпечки, — Только давай его поделим. Одному есть не так вкусно, — девочка закивала, а он поделил оставшийся кусок на две равные части, один протянул девчушке, и та несмело подошла.

Они сидели друг напротив друга и ели пирог, вчерашний, но самый вкусный в жизни Виктора. А потом он спросил, что так занимало его все последние дни:

- А как ты оказалась на крыше? И откуда ты в Гнезде Ветров?

- На крыше? Сперва на самый верх поднялась, до лестницы с магической решеткой. Жжется, — пожаловалась она, — А потом по окнам до комнаты с обрушенной стеной, которая до щели наверх достаёт. Я ловкая! – гордо добавила она.

- Постой, это как, по окнам? – не понял Виктор

- А там снаружи ступенька и железки толстые торчат, очень даже удобно лезть! – Белка выглядела очень довольной собой.

Значит, забралась... Как бы теперь спуститься до тех окон... Выходит, не так-то уж и надежна его тюрьма.

- А в Гнезде Ветров? Ты, ведь, издалека?

Лицо девочки скривилось, и она, сперва медленно, запинаясь и подбирая слова, потом все больше распаяясь, принялась рассказывать. Сбивчиво, захлебываясь и перескакивая с одного события на другое. Спеша высказаться, пока кто-то расположен ее выслушать. И Виктор слушал. Не столько незатейливою историю, сколько живой голос, жмурился на холодное

мартовское солнце и думал, как мало, иногда, нужно для счастья. Всего лишь присутствие человека, его живой голос. А Белка рассказывала о своих детских злключениях в Гнезде Ветров, про Ключевой и своем заветном желании вернуться туда.

«Не островок – дыра», подумалось Виктору. «Дыра, далекая от всякой цивилизации. Обычно из таких мест все желают убраться куда подальше. Впрочем, она ещё ребёнок, и по наивности не понимает какой счастливый шанс выпал на ее долю.»

Рассказ о много лет назад пропавшем в Проклятом походе деде, заинтересовал Виктора

- Постой, значит, твой дедушка много лет назад плывал с теперешним Смотрителем Маяка? И не вернулся из того похода?

- Ну, да, — девочка наморщила нос, — Тогда Смотритель Смотрителем ещё не был. Или был... Бабушка рассказывала, но я не помню. Но дед не вернулся. Тогда все моряки не вернулись, кроме двоих. Капитана, ну, который Смотритель сейчас, и ещё кого-то там.

- Теперь мне становится понятно...

- Что? – глаза девчушки расширились от любопытства.

- Как твоя бабушка смогла тебя устроить в Гнездо Ветров. Мудрая женщина, — Виктор живо вспомнил всё, что знал о том Проклятом плавании. Знал из первых уст. Но подумать над сказанным решил позже, – А тебя не будут искать, — мягко спросил он притихшую Белку.

- Не-е-ет. Там, на Маяке праздник какой-то. То ли Смотритель назначает самого главного после себя, потому что старый стал, то ли, потому что болеет. У нас из-за этого каникулы, по домам все разъехались. А я, вот, осталась... А тут, наверну, живут чайки? – неожиданно закончила она.

Значит, дед болен... Вот почему Маяк светится синим цветом главы Дома. Будут выбирать нового Смотрителя, хотя выбирать – сильно сказано. Повздорят и подискутируют для порядка, а кандидат уже давно назначен. И тогда, после провозглашения, Маяк засияет всеми красками клана Бореев. И преемником будет, скорее всего «дорогой братец» Костас... А мог быть он, Виктор. Должен был быть он. Волна злости и боли заставила сжаться кулаки. Сделав несколько глубоких вдохов и заставив себя успокоиться, Виктор задал горячо интересующий его вопрос, стараясь голосом не выдать волнение:

- А ты не знаешь, случайно, кого хотят назначить новым Смотрителем? Ходят, ведь, слухи.

- Не-а. Не знаю, — для убедительности Белка затрясла головой, а Виктор разочарованно выдохнул и задумался.

Из размышлений его вывело прикосновение детской руки к ладони. Девочка явно хотела что-то спросить, но то ли стеснялась, то ли не знала, как к нему обратиться.

- А тут, наверну, живут чайки? Синие? – выпалила она и уставилась на Виктора так, что стало ясно – для её детских дел этот вопрос очень и очень важен. Он улыбнулся в ответ.

- Синие, это у которых на конце крыла синие перья? – Белка часто-часто закивала. — Есть. Живут вон на тех развалинах. Каждый год прилетают птенцов выводить.

Лицо девочки осветилось радостью, она взмахнула руками, и, казалось, готова была бежать к гнезду.

- Только они высоко гнездятся, я дотянуться не смог до них. А зачем тебе синие чайки?

От вопроса Белка словно сжалась, пробубнив, что просто интересно, отчаянно делая вид, что ни чайки, ни их гнёзда её совершенно не интересуют. Виктор снова улыбнулся:

- Давай, я завтра покажу тебе их. Сейчас лучше вернуться. А то тебя хватятся, и тогда больше сюда не пустят.

Девочка согласилась, и столько разочарования было в этом её согласии, что Виктор понял, что она обязательно вернётся.

- Только, пусть твои походы сюда будут тайной. Твоей и моей. Если об этом кто-нибудь узнает, даже кто-нибудь очень близкий – меня накажут, и тебя тоже. Пожалуйста, сохрани всё в тайне! Обещаешь?

- Обещаю – серьёзно ответила Белка, — только, я тогда, завтра приду. Можно?

- Приходи! Буду тебя ждать. И чаек покажу, – пообещал Виктор, провожая девчущку до щели, ведущей внутрь Серой Башни.

Итак, получилось! Счастливый случай занёс девочку сюда, зачем только, он так и не узнал, вероятно, это связано с ее интересом к чайкам. А он этот случай, пока что не упустил, и Белка (как там её имя? Карина? Катарина? Что-то в этом духе), обязательно вернётся. Если только... Об этом «если только» думать не хотелось. Виктор подавил угрызения совести, уверив себя, что с ребёнком, всю жизнь лазающим по отвесным скалам ничего не случится. Эта девочка - его шанс. Возможно, единственный. Который нужно использовать любой ценой.

Значит, узкие окна внизу не защищены. Спуститься до них сложно, и в данный момент невозможно. Но с её помощью...

Виктор улыбнулся. Действовать нужно быстрее, много ли времени маленький ребенок сможет сохранять тайну.

Он обошёл крышу, прикидывая, на каком точно расстоянии находится край сферы. В этом отношении ничего не изменилось, блокировка магической силы была полной, но теперь это не казалось непреодолимой проблемой. И спасибо тому, кто поставил морок, делающий его невидимым для внешнего мира. Тем не менее поостеречься надо.

Но сама ситуация... Кто бы предположил, что появится такая вот Белка... Которая снаружи... по тонкому бордюру...Виктор возбуждённо мерил крышу шагами.

А ведь дед девочки, похоже, плавал под командой его собственного деда, в Проклятом походе. В походе, о котором ходили самые разные слухи, один страшнее и фантастичнее другого. Поход, который, по иронии, так или иначе повлиял на жизнь обоих их внуков. Вот уж, действительно, проклятый...

Виктор резко остановился и сел. В голове возник образ старика, его обманчиво слабый голос, скрип снастей на послушном ветру, солёные брызги и стайка дельфинов, сопровождающая небольшую представительскую флотилию. И дедов рассказ, навеянный, должно быть жарой и скукой. Повергший Виктора, нет, не в шок. Но в понимание цены власти.

В то лето его официально включили в делегацию Дома Ветров, для встречи глав Домов, раз в год проводимой в столице всех островов, названной Вавилоном по давно позабытой легенде. Разросся Вавилон на самом большом острове Архипелага, расположенном почти в его центре и, по древнему договору, не принадлежал никому и одновременно всем. Сюда сливались мощные потоки Силы. Здесь властители договаривались о совместном существовании, здесь вёлся обмен крупными услугами стихийников, которые влияли на жизнь и благополучие целых кланов, здесь заключались крупные и мелкие сделки между Домами. Здесь же, по договору всех Домов, создавались деньги, основой для которых служили ракушки жемчужницы, серебряные и медные бусины или кристаллы хрусталя. Но деньгами их делал заряд Силы, сплетенный из всех четырёх стихий, и именно сила определяла их ценность. Здесь же изготавливались самые мощные артефакты. И конечно, велась торговля. День и ночь, в любое время года, слегка приутихая в сезон штормов и вспыхивая с новой силой по его окончании.

Виктор уже успел самостоятельно обойти большую часть доступного мира, то плавая с мелкими поручениями Совета, то неся патрульную службу на границе Дома Ветров, или гоняя контрабандистов по всему Архипелагу. Службу чисто формальную, и по его убеждению, созданную лишь для того, чтобы хоть как-то занять молодых людей из знатных семей, и не дать им или спиться, или погрузиться в сны, навеянные дурманом, или деградировать каким-нибудь другим способом, придумать который гораздо легче, чем найти себе занятие по душе.

Команда его яхты состояла из молодых энергичных людей, которые признавали его лидерство и охотно подчинялись. Однажды кто-то из них полушутя назвал его Командором, и прозвище, которое, что и говорить, льстило Виктору, приклеилось накрепко, вытеснив полудетское – Дельфин. В те времена Виктор был вполне доволен жизнью.

Столица Архипелага была ему знакома с детства, и отыграв роль члена дедовой свиты в торжественной части встречи Домов, он предался приятному времяпровождению, посещая весёлые дома и таверны, подстерегающие путника на всяком углу города. Ибо на сами переговоры его, как и других не самых высоких представителей прибывших делегаций, не пустили. И всё равно, Виктора распирало от самодовольства. Среди посланников Дома Ветров, он был самым молодым, единственным внуком, приглашенным на это мероприятие лично дедом.

И домой он возвращался на дедовом флагмане. Правда, в этом были и свои малопривычные моменты. А именно – с завидной регулярностью и не по разу выслушивать стариковские рассказы о былом. Но, поразмыслив, Виктор решил, что это малая плата за близость в Главному Смотрителю. Поэтому при очередном приступе дедовых излияний, сел на палубе возле старика и сделал заинтересованное лицо, в душе надеясь, что долго это не продлится. Дед начал издали:

- Скажи мне, внук, ведь ты считаешь меня прилично выжившим из ума стариком, сильно засидевшимся в должности Смотрителя?

- Нет, что ты?! – Виктор энергично замотал головой, насколько позволяли приличия.

- Не убедил. Впрочем, и не стоит убеждать. Я и сам знаю. Твой беспутный папаша сгинул, а среди других своих детишек замену я найти не могу. Вот и приходится ждать, когда подрастут внуки. Может, хоть кто-то из вас окажется достаточно толковым, чтобы заменить старика... И так акулы из Совета рыщут, стягивают круги, в надежде свалить наш клан и поставить кого-то своего. Приходится выкручиваться... А преемнику придётся разгрести множество дерьма, которое тихо, незаметно так, копилось, копилось, да и выросло в кучу. Которую не замечать себе дороже.

У Виктора радостно ёкнуло сердце. Похоже, в преемники старик прочил его. Хотя, внуков у Йоргоса старшего было много, от законных и не очень детей. Но выделял он именно его. И Костаса... Воспоминание о вечном сопернике слегка омрачило нарисованную в голове картину.

- Ты меня слушаешь вообще? – голос деда вырвал из размышлений.

- Конечно! Только не совсем понимаю, о каком дерьме ты говоришь. Разве Архипелаг не живёт богаче, чем когда-либо в истории? Разве маги не становятся всё сильнее? Да что там люди Силы, любой голодранец может себе позволить жить комфортно и особо не напрягаясь.

- Вот, вот. Любой голодранец. И если немного спустишься с небес и обратишь внимание, увидишь, что среди голодранцев появляется всё больше людей Силы. И Силы другой. Механизмы работы которой нам не вполне понятны. Набор слов, написанные закорючки, бессмысленные обряды. Но они работают. И придёт время, а я думаю придет оно очень скоро, и эти голодранцы захотят изменить свое положение. И даже это ещё не проблема... Силы на Архипелаге становится слишком много.

- А разве Силы может быть много? Разве не она является целью? – Виктор в недоумении развёл руки.

- Является, когда есть на что её потратить. Наши предки благодаря Силе выжили, отстроили Маяки и города. А сейчас? На что она тратится? На украшательство жилищ? Хорошо, если это делается из соображений красоты, а не для того, чтобы переплюнуть соседа... На охоту? Необходимость в ней отпала лет сто назад. Сейчас фермы морских коров и плантации водорослей прекрасно могут прокормить все острова, да еще останется. Для постройки кораблей? Вся наша жизнь держится на флоте. Но большая часть шкур несчастных китов – бродяг идёт

на прогулочные яхты. Бессмысленно огромные. Уже несколько лет китов не видели нигде. Ни один из Домов. Похоже, они перестали заплывать внутрь Кольца.

- Ну, это проблемы, которые возможно решить, – пожал плечами Виктор.

- Возможно. Если решать. Только наши кланы готовы, скорее сцепиться друг с другом, чем поступиться долей комфорта. Я скажу тебе страшную ересь, но, похоже, Великие, устанавливая Стену Ветров, то ли ошиблись в расчетах, то ли вообще не думали, что случиться через столетия. Или думали, но заигрались... Сила ветров в Кольце нарастает, и Сила, концентрируемая ими внутри Кольца, также растет. Уж не думаешь ли ты, что лёгкость, с которой плетутся заклęcia, появилась от заслуг нынешних магов? Договор о владении одной Стихией давно не выполняется Домами, хотя формально законы чтутся, а заряженными артефактами, торгуют чуть ли не на каждом углу. И кто их клепают?! Дикие! И, ведь, эти подделки работают!

- Какие проблемы? У Домов достаточно сил не то, что присмирить, вообще стереть их с лица Архипелага. Половина проблем с преступностью решится.

- Да упаси Хозяин Ветров! Ни в коем случае! Когда у Домов не станет общего раздражителя, мы начнем грызться друг с другом!

Виктор недоверчиво хмыкнул, а дед продолжил:

- Речь не о Диких. О Силе. Ее накапливается слишком много. Ты заметил, как часто без каких бы то признаков, налетают шторма? А землетрясения? На нескольких островах Огня пожар в одночасье спалил всё, и Смотрители не смогли его обуздать. И это нарастает. Возьми Гнездо Ветров. Казалось бы – где тут связь? Тем не менее. Начиная где-то с твоего поколения, кланы Ветра, обладающие маломальской Силой, всё меньше шлют своих потомков туда на обучение. Обучают их сами. Сами! Да раньше такое было немыслимо. А в само Гнездо нынче кто только не попадает....

Виктор внимательно выслушал тираду деда, и, хотя ничего особо страшного в вышеперечисленном не увидел, списав на стариковские традиционные рассуждения «а вот раньше было...» или «вот в мое время...». Да что и говорить, он бы и сам не отказался в детстве обучаться на семейном острове, а не в Серой Башне. Или в покоях отца на Маяке. Однако упоминание о штормах и землетрясениях заставили задуматься. Действительно, их стало как-то слишком много. И проливные ливни, смывающие в море почву в одной части Архипелага одновременно с засухой в другой, начинали если не пугать, то беспокоить. С погодой явно происходило что-то не вполне нормальное.

- И всё-таки, я думаю, что ты преувеличиваешь, — как можно почтительнее произнес Виктор, чтобы, не дай Ветры, не рассердить старика, — И что с этим можно поделать? Как я предполагаю, ты не просто так мне это рассказываешь?

Дед остро глянул в глаза внука:

- Я пытался это решить. Так, как считал правильным. Но не успел. Ты слышал, наверное, о Проклятом походе и глупые слухи, которыми он оброс. Я расскажу, как было на самом деле... Видит Первый, намерения мои были чисты... – старик сморщился, словно от боли и начал рассказ:

Давно, согласно традиции, у каждого властителя было столько жён, наложниц и просто подруг, сколько он мог прокормить. Обычай этот появился во времена Первых, когда от наличия людей Силы зависело выживание всех. Поэтому каждый мужчина, успешно прошедший посвящение в какую-либо из Стихий, мог рассчитывать на женское внимание, и в обязанности такому вменялось оставить после себя множество потомков, чтобы как можно больше магов появлялось на Архипелаге.

Когда борьба за выживание осталась в прошлом, Архипелаг был обжит, и голодная смерть никому больше не грозила, традиция эта у мужчин, обладающих Силой, осталась. Я был одним их двенадцати законных сыновей своего отца, и он выделял меня из других. В те времена заселялись последние дальние островки. Народ Диких, не в меру расплодившийся по

окраинам, изгонялся, а где-то и вырезался, чтобы, наконец, наступило долгожданное благоденствие. А оно все не наступало. Нет, никто не подышал от холода и недоедания, молодым парням было разрешено отправляться в море даже до рождения первого сына. Люди перестали быть малочисленными и беззащитными. Но вместе с тем, уже тогда начались изменения, не зависящие от людской воли. Стихии начали выходить из-под контроля. Первое землетрясение полностью разрушило остров Тихий из Дома Земли, после которого цунами прокатились едва ли не по целому архипелагу. Потом ураган, чуть не разоривший Ветроград.

Собравшийся Совет четырёх Домов долго спорил и едва не перегрызся из-за двух расходящихся предложений. Одно – увеличить использование Силы. Закачивать ее в предметы, и дать доступ к тем предметам черни, не обладающей даром магии. Вливать в украшение городов, использовать всюду, чтобы, тратить как можно больше, и тем самым уменьшить напряжение. Отец же предложил другое – вновь открыть пути, ведущие за Стену Ветров. Спустить пар. И выбраться, наконец, наружу. А возможные нападения чудовищ, коли случатся вновь, лишь встряхнут Дома, сделают их сильнее. В противном случае мужчины деградируют, станут слабыми. Или начнут грызться друг с другом.

Никто его предложение не принял даже к рассмотрению, расценив, что риски намного превышают потенциальную пользу, да и память о давних набегах из-за Стены еще была сильна.

Да и сам метод, предложенным отцом, вызывал сомнения. В итоге, ограничились решением активнее тратить Силу для любых, не противоречащих закону, целей. А к границам закольцованной Стены послать дополнительные патрули. Отец подчинился, но остался при своем убеждении, нередко при близких, нелестно высказываясь об умственных способностях других Смотрителей.

И вот тогда-то мне пришла мысль, как завоевать его расположение, чтобы обойти братьев. Дому Ветров я представил свой план исследования дальних островков, и получил разрешение на снаряжение лучшего корабля отцовского флота. Дал поверенному письмо с настоящими планами, и попросил вручить отцу, когда, по моим подсчетам, корабль подойдет к Стене Ветров. Команда моряков – простых, не магов, плавала не первый год и была предана клану Бореев. Но когда через пару дней пути я объявил им о своей настоящей цели – пересечь Стену и разведать, что там, за ее пределами, люди начали роптать. Одни боялись проблем с законом, другие боялись за семью, и все – за свою жизнь. Но, всё-таки, мне верили... Не зря я так много времени болтался в обходах границы, и со всеми ними был знаком лично. Да и надеялись они, что рано или поздно, именно мне предстоит стать Главным Смотрителем, а служить главе Дома и почетно, и выгодно. Немалую роль в убеждении сыграли посулы богатой платы, и протекции семьям.

Вёл корабль Томас, тот самый с которым мы нашли умирающего чужака. Чья подвеска болтается теперь у тебя на груди. И так уж получилось, что Томас, после того случая, стал мне приятелем. Нет, не другом, дружба может быть лишь среди равных. Но приятелем добрым – это да... Я уважал его. Томас не обладал Силой, но умение находить пути и чувствовать море, имел непревзойденное. Накануне плавания я спросил, помнит ли он, что было на карте чужака. Он лишь усмехнулся, и сказал, что единожды увидев путь, никогда его не забудет. И он один от старта знал цель экспедиции. Не буду тебя грузить подробностями плавания, длилось оно не слишком долго, да и было совершенно обычным. Но когда мы подошли к Стене совсем близко, наш корабль неожиданно подхватило течение, и потянуло внутрь, в гущу тумана.

Ещё мгновение назад мы были на солнечном, мирном море, и вот нас несет водным потоком и ветром, подчинить который я не в силах. Корабль не слушается ни парусов, ни вёсел. А вокруг серая мгла и выныривающие силуэты скал, возле которых порой то ли видятся, то ли действительно догнивают остовы разбитых кораблей. И тишина. Такая, что берет оторопь... Потом появился звук. Однотонный, заунывный. Ветер... Признаюсь, я испугался. И усомнился – не переоценил ли свои силы. Стена... Кольцо Ветров... Там всё другое, внутри. Времени

словно нет, и непонятно, час ли ты плывёшь, день или месяц. Томас пытался хоть как-то маневрировать и не дать кораблю разбиться о скалы. Люди потихоньку начали сходиться с ума от неизвестности и этого воя ветра. И видения... У каждого свои... Свои страхи, память, боль...

Двое, зажав уши, бросились в море, сперва чуть не зарезав друг друга. Кто-то катался по палубе. Один начал выкидывать за борт запасы продовольствия, крича, что мы и так все умрём. А многие косились на меня, и в их глазах я видел желание пустить мне кровь. Лишь самые сильные оставались собранными и решительными. Духом сильные, не всегда телом. Иные здоровяки завывали как бабы, и я не мог их винить. Я сам был готов сорваться в истерику и броситься на первого же чем-то не понравившегося матроса. Только вот, это я вел экспедицию. Я – Борей и сын Смотрителя. И это меня держало. Что держало других, не знаю. Знаю только, что это были выдающиеся характеры... А потом все замерло. Вода, туман, воздух... Ни движения. И снова оглушающая тишина.

Корабль остановился. Это было страшнее, чем всё предыдущее. Я потерял сознание, а очнувшись, первое время не мог понять, где я, и что случилось. Особенно, когда увидел команду, то ли спящую мертвым сном, то ли уже мертвую. И тогда из тумана на крошечной лодке появился он. Высокий силуэт, сотканный из мглы. Маг Воды. Мощный, такой мощный, что всей моей силы не хватило бы противостоять ему и минуту. А я не самый слабосильный сын своего отца. Я никак не мог разглядеть его лицо, которое постоянно плыло и менялось. Только фигура, скрытая длинным плащом. В голове всплыли легенды черни о безликих демонах моря. Он обратился ко мне без слов, но я слышал его голос у себя в голове. Его ничуть не смущало, что магия убеждения запрещена.

И он предложил выбор. Навсегда остаться внутри Стены Ветров. Плыть дальше, без конца плукая по Кольцу, пока не кончится вода, или пока скалы не разнесут корабль, или пока моряки не взбунтуются, поняв, что назад пути нет. А люди в отчаянии способны на изощренную жестокость... А что так и будет, я поверил. Сразу...

Или же вернуться назад. Вернуться, поклявшись никогда не повторять попыток пересечь Кольцо. Только за эту возможность придется заплатить. Чтобы выйти и вывести корабль, придется принести жертву. Большую. Всех... И сделать это самому.

Клянусь, я никогда не боялся и не боюсь никого. Но когда вспоминаю о нём... Никто ни в силах не подчиниться тому голосу. И я выбрал долгую жизнь победителя. Вымолил у того мага лишь жизнь Томаса. Да и то только потому, что боялся остаться совсем один.

Томас проснулся сразу после нашего договора с магом, по одному его щелчку, и понял, что выбора я ему не оставил. Матросов, которые спали беспробудным сном, мы вдвоем переваливали через борт и смотрели, как они медленно опускаются вглубь замершей воды. Как только первый из них погрузился в море, маг исчез... Мы убили их всех. Одно утешает – все моряки крепко спали, и даже не успели испугаться. Это были сильные и смелые люди. Не чета нынешним.

Как только безвольное тело последнего было скинуто за борт, всё снова пришло в движение. По-прежнему, беззвучное. В глазах потемнело, и я решил, что умираю.

Очнулся я лежащим на палубе, уже от солнца, бьющего в лицо, звука волн, и далекого крика чайки. Мы были внутри Архипелага.

Нас подобрал патруль.

В Ветрограде объявили, что корабль слишком близко подошёл к Стене, и его затянуло внутрь. Команда героически пожертвовала своими жизнями, чтобы хоть кто-то вернулся. Я рассказал своему отцу почти все... Всё, как было на самом деле.

Одно обещание, данное команде, я выполнил – я позаботился об их близких. Выплатил им больше, чем обещал, и дал право напрямую обращаться ко мне за помощью. И, да... Их дети получили возможность выбиться в люди.

А Томас не простил. Ни меня, ни себя. Из веселого парня он в одночасье стал нелюдымым и желчным человеком, и это тоже моя вина. Он переселился на скальный островок на самой границе Дома Ветров и не подпускает к себе никого. Совет четырёх Домов установил абсолютный запрет на приближение к Стене. А через год, отец провозгласил меня преемником. Такая вот история.

Виктор ошарашенно смотрел на деда, и не мог прийти в себя от его откровений. Его дед, такой непреклонный, справедливый. Как же быстро обстоятельства склонили его в выборе между высшими ценностями и своей жизнью в пользу последней. А что бы выбрал он сам? Об этом задумываться не хотелось.

- А кто был этот маг? Откуда он взялся? И почему не дает выйти за пределы Стены? Чем это может так грозить Архипелагу? По-моему, страшные последствия этого притянуты за уши. Нет, риск есть, конечно. Но на то он и риск.

Георгиос старший пожевал губами, вперившись бесцветными глазами в горизонт:

- Не знаю. Я много думал над этим, но не знаю. Не уверен... Великие, что воздвигли Стену Ветров, так и не вернулись. Но это было слишком давно. Не знаю, и знать не хочу. Только не всё так просто. На каждой ежегодной встрече четырех Домов, меня не отпускает чувство, что нас направляет чья-то воля. И мы, как морские коровы на заклатие, идём туда, куда нас эта воля несёт.

- Дед, а почему, будучи Главным Смотрителем, ты не попытался вновь как-то решить проблему Силы? Снова отправить экспедицию за Кольцо, уже официально, зная, что поджидает внутри.

- Ты невнимательно слушал. Тот... Взял с меня клятву. А я себе не враг. Да и задачи того, кто уже правит, и того, кто только стремиться – очень разные. Думаю, ты это поймёшь.

Но вышло так, что тогда Виктор понял всё совсем превратно. И осознал это, как всегда, слишком поздно.

Для Белки перестало существовать всё, кроме крыши. Уже на следующий день она повторила свой поход наверх, хоть дался он ей намного труднее. Ноги, не успевшие отойти от вчерашнего дня, дрожали. Она несколько раз присаживалась отдохнуть, а карабкаясь над бездной, чуть не поскользнулась на торчащем из стены куске арматуры. Но дошла. И этот чудной взрослый ждал её. И не страшный он, просто другой.

Все мужчины, с которыми Белке приходилось общаться, жили на Ключевом, и были обычными и привычными рыбаками и моряками. Кряжистыми, коротко стриженными, простыми и понятными. Всегда занятыми или плетением сетей, или починкой лодок. Которые если и снисходили до общения с ней, то это была или беззлобная ругань на всю компанию расшалившихся детей, или шуточки, что скоро сосватают её для своих сыновей, что Катарину страшно злило. А человек с крыши... Дельфины ей всегда нравились. Пусть он был бородатый и лохматый, и с куда с более длинными волосами, чем у неё самой. Зато он выслушал её по-настоящему. Не перебивая. А главное, обещал достать перо синей чайки! Поэтому, едва отдышавшись и поздоровавшись, она решила не тянуть с волновавшим её вопросом:

- А чайки? Ты... Вы обещали показать их гнездо. Синих чаек, помните? – и этот человек не стал отпираться.

- Помню. Только мне одному до него не добраться, как и тебе, – и увидев испуганное и разочарованное лицо Белки, успокаивающе продолжил, — Я подсажу тебя наверх и подстрахую. Только, давай ты расскажешь, зачем они тебе сдались, чайки эти.

У Каи замерло сердце. Рассказать?! Нет?! А вдруг ему тоже захочется загадать желание, а перышко будет только одно...

- Ладно. Я расскажу. Только, чур, перо моё! Обещаешь? Поклянись, что не будешь отнимать или выпрашивать! – Белка взглянула в смеющиеся глаза Дельфина, и услышав торже-

ственное обещание, удовлетворенно кивнула, — Только, сперва чаек покажи, ладно? А я потом объясню. Только это секрет!

- Я никому не разболтаю, обещаю.

Катарине показалось, что человек сейчас рассмеется, и строго глянула ему в лицо. Тот смотрел серьёзно и даже хмурился, только кончики губ подрагивали. Девочка нахмурилась, но, мгновение поразмыслив, произнесла:

- Тогда пошли, что ли? – Белка нетерпеливо перебирала ногами на месте. Ещё немного, и она у цели.

А потом они подошли к странной развалине на крыше, и Виктор, Дельфин легко поднял её ввысь, и придерживал, пока Белка цеплялась за выступы стены.

Она вдруг вспомнила... Вот так же било в глаза солнце, а огромные руки подбрасывали ввысь, и смеющееся счастливое лицо... Папа... И мамин смех... На мгновение это воспоминание ослепило Каю, и она покачнулась, а мужчина снизу уже бросился ее ловить, протянув руки. Белка удержалась, вздохнула и помахала ему рукой.

Крупный самец синей чайки взлетел в воздух, возмущенно хлопая крыльями, вопя и пробуя взять Каю на испуг. Гнездо – углубление, выложенное палочками, камешками, мхом и каким-то потерявшим вид мусором, хранило в себе следы многолетнего пребывания в нём птичьего семейства, и будущий отец приводил его в порядок.

Перья! Их было много. Только какие-то маленькие, серые, несерьезные. Белка внимательно осматривала выступы вокруг гнезда, выглядывая синий цвет, и удача ей улыбнулась. Извернувшись, девочка протянула руку и схватила лежащее чуть поодаль перо. Совершенное. Большое, бело-голубое, с ярко-синим кончиком. Именно такое, о котором мечтала! Выбрав ещё пару крупных перышек – не таких больших и совершенных, но, если подумать, выполняющих условия для исполнения желания, Белка начала сползать вниз и была подхвачена ожидающим её Виктором.

- Я нашла!!! Вот! – Кая продемонстрировала добычу, крепко зажатую в кулаке.

- Молодец! А теперь расскажешь, чему они служат? – Виктор стряхнул с Каиной туники налипший мусор, и она порадовалась, что удалось не вляпаться в свежий птичий помет, у чаек он воняет на редкость мерзко. Не дай Ветер, унюхает кто-нибудь в Башне.

Белка прижимала к груди и гладила голубые перья. Робкое солнце не пекло, а согревало, мягко и нежно. Они отошли подальше от разъяренной чайки, сели на импровизированную скамью, и девочка начала рассказывать. О том, что если написать на таком перышке желание, а потом сжечь его... И про то, что все думают, что сжечь надо в огне Главного Маяка, и что один мальчик пробовал, но не получилось. Все думали, что перо не подходящее, а на самом деле - огонь не там.

Виктор слушал её внимательно. И перо не просил. Даже потрогать. Марго бы сразу начала выпрашивать, а старшие девочки попросту бы отняли. Но этот – нет. Конечно, он был взрослым, но необычным. До сих пор Белка не слышала про взрослых, которых бы наказывали за какие-то проступки. Ну, то есть слышала о преступниках разных, но этот на преступника не походил. Ведь он был совсем не злым.

- А что ты хочешь загадать? Какое твоё заветное желание? – спросил Дельфин, и Катарина не задумываясь ответила, мечтательно прикрывая глаза:

- Я хочу вернуться домой. И всё вернуть, как было!

Виктор вздохнул и произнёс очень тихо:

- И я... Если б ты знала, как хочу этого я. Только боюсь, волшебное перо тут не поможет.

Белка серьёзно посмотрела, не подшучивает ли он над ней. Но лицо мужчины было застывшим, губы сжатыми, словно от боли. И она на мгновение почувствовала эту его боль, так, что самой захотелось плакать. Она перебрала пальцами перья, вытщила второе по размеру, и протянула его Виктору:

- Вот, возьми! Почему не поможет? Ты же не пробовал!

- Точно. Не пробовал. Спасибо. Тогда, давай сожжем их вместе. Каждый своё. Вот только огонь мне разжечь нечем...

- Я принесу! Сейчас слезу и принесу! Я знаю, где на кухне лежат огневики! – Кая вскочила на ноги.

- Пстой! Не сегодня! – Виктор ухватил её за руку, — Тем более, если собираешься что-то брать на кухне! Сейчас там полно кухарок и поваров, время к обеду. А потом, ты же говоришь, что на пере надо написать желание. У меня здесь и писать нечем. Так что, завтра! И будь осторожна, пожалуйста.

Волей-неволей пришлось согласиться. Они просто остались сидеть на крыше и болтать. Болтала в основном Белка, рассказывая про жизнь на Ключевом, бабушку и соседей, про жизнь в ненавистой башне, постоянные насмешки девочек. Про то, как Кларисса распустила её вязанье, которое и так выходило не очень.... И как Белка из-за этого с ней подралась, а наказали только её, да ещё и за вязанье попало. Про постоянную уборку комнат наследников. Про обидные клички, и про то, что с ней никто не хочет дружить, кроме Марго. Но и та, дружит лишь тогда, когда другие девочки не принимают ее в свои игры. Про доктора Жоржика и про угрозу Селёдки отправить её в Приют особенных, и что Белка не знает, что это за место, но, судя по слухам, что-то на редкость отвратительное.

При словах о приюте, лицо Виктора помрачнело, и выражение лица стало странным. Сердитым и брезгливым.

- Ну, это вряд ли. Пока жив старый Смотритель, такого не произойдёт, можешь не опасаться.

- А ещё они, Селёдка с Лидией, убили Сару, мою гусеницу. Красивую, большую и волосатую! – пожаловалась она, — Я её в кувшине для воды поселила, кормила хлебом из столовки. Три дня! А они нашли, и стали орать, как ненормальные. А потом её убили... А из нее могла вывестись бабочка!

Виктор слушал её внимательно. А потом, когда рассказ Катарини иссяк, показал ей «свои владенья». Кая несколько раз обошла крышу, но один вопрос никак не давал ей покоя:

- Дельфин, то есть Виктор... а что ты тут ешь? – и когда тот показал свои запасы, Белка сперва не поняла. Оказывается, он тут вообще ничего не ел. Ну, почти. И воды было совсем не много. И одежды другой у него не было.... Ничего не было! Вообще!

Она разозлилась – так ведь нельзя! От злости даже пнула камень:

- Ну, теперь мы им всем покажем! Завтра они узнают! Завтра!!

А взрослый мужчина посмотрел на нее и грустно улыбнулся. Катарина поняла, что он ей не верит, совсем. «Ничего», — подумала она, — «Завтра всё-всё изменится! Я точно знаю!»

Конец этого дня и начало следующего для Белки были очень долгими, казалось, что время тянется еле-еле. И в то же время девочка боялась не успеть, или забыть что-нибудь важное. Спустившись от Виктора, первым делом она решила раздобыть огневик, простенький артефакт, дающий ровное пламя, достаточное для поставленной задачи. Да и проголодалась Кая не на шутку. В трапезной было пусто, оставшиеся дети уже поужинали. Поэтому Белка прошагала прямо на кухню, поближе к сложенным возле плит камешкам огневикам. Добродушная повариха Марта рассмотрела Белку, поругала за внешний вид и поставила перед ней тарелку с рыбной похлебкой и кусок запеканки из водорослей. Катарина проглотила всё в мгновение ока, с аппетитом, чем удивила и умилила Марту, которой было жаль сироту. К тому же Белку на кухне любили, хоть и гнали, чтобы не мешала.

- А где это ты пропадаешь последнее время? Давненько тебя не видно. И откуда в таком виде являешься? – этот вопрос Кае совсем не понравился.

- Гулять ходила, на улицу, — как можно равнодушнее ответила она.

- Белка, не ври! Все дети с прогулки на обед приходили, а тебя с ними не было!

- Так я с ними и не гуляла. Я сама... Они прогоняют меня постоянно, вот сама и гуляю.

Повариха поахала, посетовала на легкомыслие Катарини, напомнила, что одним детям гулять категорически запрещается, и что если это повториться, то она сразу доложит Лидии, и что та прибывает завтра-послезавтра, и уж она-то Белке покажет!

У Каи ёкнуло сердце. Надо поспешить, не хватало ещё, чтобы воспитательница как-нибудь нарушила ее планы!

- Тётя Марта, — начала девочка, стараясь говорить как можно жалобней и ласковой, — А можно кусочек пирога? Я в обед не ела, и не наелась ещё... а после болезни кушать очень хочется

Повариха всплеснула руками, пошла вглубь кухни, приказав ждать её и никуда не лезть, и как только фигура Марты скрылась за стойкой полки, Белка в два прыжка подбежала к ближайшей плите и схватила огневик. Серый блестящий камень лег за пазуху, холодя кожу.

- На вот, пирога нет сегодня, хлеб возьми, — повариха протянула свежайшую, вкусно пахнущую краюху с румяной корочкой.

Белка, придерживая одной рукой камень под одеждой другой сжала кусок хлеба, шаркнула ножкой и чмокнув Марту в щёку, выбежала из кухни, оставив повариху в недоумении — с чего бы это у девчушки приступ нежности?

Катарина забежала в девчоночью спальню, бросилась к своим пожиткам, и перетряхнув их, вытащила самописный карандаш. Связала в забытый кем то платочек с начатой вышивкой карандаш с огневиком и подумав, положила туда же хлеб для Виктора. Завтра, конечно, они оба исполнят свои желания, и здесь их больше не будет, но всё равно, сейчас она сыта, а он, наверное, нет.

Наконец, она поднялась в больничное крыло и попыталась заснуть. Сон не шёл. Немного мучила совесть за похищенный огневик, но Катарина успокоила себя, что их там много, никто и не заметит пропажу. Потом она вспомнила, что оставила свои бесценные перья наверху, у Дельфина. Её облил холодный пот — а вдруг он сам как-то разожжет огонь, вдруг врет, что писать ему нечем... «Нет, он не такой», — прервала она сама себя. Потом подумала, что ночь что-то уж очень затянулась, и что надо как можно быстрее пробраться наверх. Пока не приехала Лидия, а за ней и все остальные. Незаметно Белку сморил сон, и во сне ей виделся костёр, который никак не хотел разгораться, а потом вспыхнул, и начал окружать её со всех сторон, перо не загоралось, а над головой металась и дико кричала синяя чайка. От криков что-то не поделивших обычных чаек, доносящихся аж до её палаты, она и проснулась. Вот он, этот долгожданный День!

Она не помнила, как забралась на крышу, протиснулась в щель, и, убедившись, что бесценные перья на месте, начала теревить Дельфина, чтобы собрать сухого лишайника и веток из старых оставленных гнёзд для разведения костра. Он сперва отказывался разжигать огонь на середине крыши, опасаясь, что кто-нибудь увидит его даже за мороком, но поддавшись на возбужденные Каины уговоры, уступил. Натаскал обломков бетона вокруг будущего кострища.

Белка развязала узел с карандашом и огневиком, вспомнила, что принесла Виктору хлеб и они разделили этот кусок. Затем, послунявив карандаш, дрожащими руками начала выводить буквы на голубом пере. Она пол ночи размышляла над надписью, и решила, что та должна быть максимально краткой и ясной. Сейчас, когда перо норовило разделиться на тонкие волоски, а руки не слушались, Белка поняла, что такое решение единственно возможное. После долгих мучений, исправлений поплывших букв, она, наконец оторвалась и полюбовалась своей работой.

Пусть перо не было больше ярким и красивым. Главное, на нем четко читались слова: «Хачу домой к бабушки». Катарина продемонстрировала надпись Дельфину, и после исправления ошибок приготовилась к главному действию.

- А ты, разве не будешь загадывать желание? — строго спросила она Виктора

- А ты думаешь, что оно исполнится? – после горячих заверений Каи он вздохнул, усмехнулся и ровными буквами сделал надпись.

- Ну, что?! Давай начинать?! Давай вместе бросим перья в огонь, одновременно? Или лучше по очереди? Нет, давай всё-таки вместе! – Белка подскакивала от нетерпения.

- Давай, — Виктор ударил огневиком о бетон и быстро положил его в середину маленькой горки из веток и сухого мусора.

Сначала ничего не происходило, Катарина с нарастающей паникой не сводила взгляд с кучки щепок и мха. Вдруг потянуло дымком и над камешком появились языки пламени.

- Ура-а-а!!! Загорелось! – Белка подпрыгнула, захлопала в ладоши – Ну, давай! Давай! Кидаем пёрышки! Раз... Два... Три!!! – при слове три, она бросила своё послание в самый центр маленького костерка, зажмурилась, и замерев, затаила дыхание

Когда лёгкие начало распирать от недостатка воздуха, она резко вздохнула, медленно открыла глаза и огляделась... Сперва Белка даже не поняла, где находится, показалось, что это какое-то незнакомое ей место на Ключевом. Это должен был быть Ключевой!!

Девочка озиралась по сторонам, в надежде увидеть подтверждение своих мыслей. Пока её взгляд не упал на Виктора, переворачивающего и гасящего огневик. И тогда она поняла, что не случилось ничего, ровно ничего из того, о чём она столько мечтала, ради чего рисковала.

Горло сдавило, в груди появилась тяжелая тоскливая боль. Кая стояла, без сил, без мыслей, с одной лишь обидой – за что? Почему так всё получилось?! Внутри неё что-то надломилось, и она заплакала, упав на колени и не сдерживая рыданий. Она плакала, и плакала, пока сильные руки не обняли её. Большие грубые кисти гладили её по голове, как давным-давно, когда Кая была совсем маленькой, и от этого плакать хотелось ещё сильнее. Сквозь слёзы, на самом краю сознания, Белка услышала:

- Не плачь! Ну, не плачь же! Мы всё равно уберемься отсюда! Я сбегу, и мы вместе уплывем! Я увезу тебя на твой Ключевой! Обещаю! Только не плачь!

Глава четвертая

Виктор растерялся. Девочку трясло от плача. Он и представить не мог, что реакция будет такой бурной. Теперь он стоял не зная, как реагировать на детское горе. Наконец неловко ее приобнял и погладил по голове. Это вызвало новый приступ рыданий, и он произнес, больше для себя, чем для неё:

- Не плачь! Мы всё равно уберемся отсюда.

А Белка всё плакала и плакала. Её тельце, хрупкое, словно у мелкой пичуги продолжало трястись, и Виктор испугался. Он поднял ее зареванное лицо, взглянул в покрасневшие глаза и уверенно, как можно строже произнес:

- Катарина, мы выберемся отсюда! Я увезу тебя на Ключевой, и ты вернешься в свой дом.

Девочка всхлипнула и посмотрела на него серьёзно, совсем не по-детски:

- Правда?

- Да! – торжественно произнёс мужчина. И совесть кольнула, потому что обещание выполнять он не собирался.

Из глаз Белки ещё катились слёзы, но взгляд стал осмысленным. Чтобы подкрепить успех (не дай Ветер, чтобы от разочарования рассказала кому-нибудь про свои прогулки наверх, или попросту больше не пришла. Ему нужна помощь), он посадил девочку возле себя, вытер ей нос и начал говорить:

- Знаешь, во время учебы мы тоже верили в такую вот магию. Только думали, что поможет не перо, а красный камень. Видела, наверно, на пляже под башней, изредка попадаются ярко-красные песчинки, — Катарина кивнула и уже с интересом уставилась на Виктора.

- Так вот, у нас считалось, что если найти большой красный камень, без вкраплений, с кулак размером, нашептать на него свое желание и бросить в море с самого высокого обрыва возле Башни, знаешь, где лежит здоровенный кусок белого известняка, то желание обязательно сбудется. Проблема была лишь в том, что камней таких не было, только мелочь. Я был тогда старше тебя. И уже не верил в детскую «магию». Но у некоторых моих однокашников прорезался дар. А у меня – нет. Никак. Просто.... Мой род сильный, и мне было стыдно. К тому же, из-за этого я начал терять авторитет среди друзей А кое-кто и посмеивался в спину Меня охватило настоящее отчаяние. И я решил попробовать фокус с камнем. Как я его искал! Перевернул груды гальки. Каждый раз ныряя в море, высматривал красное пятно. И старался делать это так, чтобы никто не догадался, — Виктор улыбнулся, вспомнив, как ему было и стыдно за эту нелепую попытку решить свои проблемы, и как в ней он видел последнюю надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.